

ТЕМ- НОЕ СОЛН- ЦЕ

эрик-эмманюэль
ШМИТТ

18+

путь через века

книга 3

Большой роман (Аттикус)

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Темное солнце

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Шмитт Э.

Темное солнце / Э. Шмитт — «Азбука-Аттикус»,
2022 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-24286-9

Эрик-Эмманюэль Шмитт – мировая знаменитость, лауреат Гонкуровской премии и многих других наград. Его роман «Оскар и Розовая Дама» читатели назвали книгой, изменившей их жизнь, наряду с Библией, «Маленьким принцем» и «Тремя мушкетерами». Его романы переведены на 45 языков и огромными тиражами выходят в более чем 50 странах. «Путь через века» – грандиозная философско-романтическая сага Шмитта, попытка охватить единым взглядом и осмыслить всю человеческую историю. Прибежище наслаждений и Дом Вечности, еврейские кварталы и дворец фараона, Мемфис и Силиконовая долина... В первой книге эпопеи бессмертный целитель Ноам пережил Всемирный потоп, во втором побывал в Месопотамии. «Темное солнце» переносит его в Древний Египет, где у человечества стало еще больше богов и еще больше власти вершить свою судьбу. Бессмертные люди – Ноам, его вечная возлюбленная Нура, его враг и сводный брат Дерек – попадают в страну, которая изобрела культ бессмертия и подчинила ему политику, науку, искусство и всю человеческую жизнь от первой до последней минуты. На глазах этих троих – Исида, Осириса, Сета, бессмертием навеки связанных и разлученных, – возводятся египетские пирамиды, евреи обретают единого Бога и уходят из Египта, а жажда вечной жизни становится мостом, соединяющим Древний Египет с Силиконовой долиной наших дней. Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-24286-9

© Шмитт Э., 2022
© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Часть первая. Обреченные на разлуку	7
Часть вторая. В лапах Сфинкса	53
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Путь через века. Кн. 3. Темное солнце

Éric-Emmanuel Schmitt

LA TRAVERSÉE DES TEMPS

TOME 3: SOLEIL SOMBER

Copyright © Éditions Albin Michel – Paris, 2022

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Е. Н. Березина, перевод, 2023

© М. И. Брусовани, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

В этой правдоподобной, изобильной и очень современной саге Шмитт оживляет историю человечества, блистательно заражая нас свое страстью понимать и делиться знаниями.

Le Point

Эрудиция автора поражает воображение. Этот роман приводит на ум книги Александра Дюма, исследования Юваля Ноя Харари, исландские саги, сказки Южной Америки и романы Жоржи Амаду.

La Provence о «Потерянном рае», книге 1 цикла «Путь через века»

Есть книги, где фразы полны восторга и чувствуется, что автору они доставляли наслаждение. Шмитт замахивается на всю историю человечества, а подобный литературный памятник не воздвигнуть без страсти, эрудиции и буйного воображения. Диалоги текущие, повествование бойкое, от приключений гловово кругом. Скажем прямо: от этого романа захватывает дух.

Le Figaro о «Вратах небесных», книге 2 цикла «Путь через века»

Часть первая. Обреченные на разлуку

1

Пришло время открыть тайну, она давно не дает мне покоя.

Я перечитываю свои мемуары, и они склоняют меня к признаниям – меня, Ноама, который столь многое скрыл. Я заполняю страницу за страницей, кортежи слов наступают на меня, призывая излагать факты. Голые факты.

Моя тайна, хранившаяся тысячелетия, скрывает разрушительную силу, пострашнее мощнейших атомных бомб. В прежние времена ее разглашение могло разрушить целый мир, его города, храмы и пирамиды. Я молчал – и вводил в заблуждение миллионы людей, рабов и фараонов, богачей и нищих, селян и горожан, священнослужителей и писцов. Всех их я обманывал, но никто не заподозрил моего мошенничества. Еще не зная, что эти цивилизации обречены на гибель, я боялся, что мои слова повредят той из них, которая развивалась на берегах Нила.

Сегодня мои признания не в силах изменить судьбу египетского общества, погребенного под вековыми песками. Игра окончена.

Настало время открыться.

Египетская тайна толкает меня под руку, щекочет пальцы, торопит взять стило. Слова уже просятся на бумагу.

Мой секрет, секрет Осириса и Иисиды...

Интермеццо

Ноам выронил стило, отодвинулся от письменного стола и тяжело вздохнул.

Взглянул на тетрадь и болезненно поморщился. Чертово сочинительство! Эти чары овладевают им и уносят к излипаниям, от которых он всегда уклонялся. Он вскочил, покружил по комнате, выровнял дыхание.

Все три окна номера в отеле «Стрэнд», расположенном в центре Стокгольма, выходили на порт. Нет, ну разве Балтика – это море? Приехав сюда, он тотчас понял, что оно совсем не пахнет, потому что почти несоленое, в нем нет ни волн, ни бесконечности. Больше похоже на озеро. Его гладкая пепельно-серая поверхность напоминает асфальт, а домишки, мостки и лодки на первом плане делают его еще незначительней. И только вдали Балтика ненадолго становится морем – там, где паромы оставляют размеченный фарватер и ныряют за горизонт.

Ноам улыбнулся. Есть домашние животные, а есть одомашненные моря. Мягкая и послушная Балтика тянется к людям. Приближается к ним робко, ложится к ногам, пластается под мостами, лижет камень набережных, льнет к улицам, проникает лишь туда, куда ей дозволено. Она смиренно допускает дома смотреться в свои воды, и те отражают краски фасадов – зелень липы, лимон, гранат, шафран, – а ночью вбирает в свои складки золотой свет фонарей. Балтика благодарна за то, что ее приручили, и подставляет свою спину путешественникам, которые на речных трамвайчиках курсируют по городу или добираются до ближних островов, а то отправляются на пароме в Норвегию.

Мирное море для спокойного народа. Ноаму, пораженному здешней безмятежностью, учтивостью и порядком, шведы казались прирученными двуногими существами. Этот закуток космоса был пропитан оцепенением, и Ноам наблюдал за стеклом неторопливое движение его обитателей.

«Бойся спящей воды». Он вспомнил вчерашние слова Нуры: «Это море не всегда спокойно. В хладнокровии здешних людей таятся бури и пороки. Здесь и стреляют, и убивают. Подчас бунтуют, как и повсюду. И нет нужды тебя в этом убеждать, ведь ты видел Бритту».

Ноам почесал в затылке. Нура права: ее дочь внушает уважение. Ему. Швеции. Всему миру.

За несколько месяцев пятнадцатилетняя Бритта Торенсен стала мировой знаменитостью. Почему? Она услышала то, чему рассеянно внимали другие, и сделала выводы. Что же она услышала? То, о чем твердили ученые: деятельность людей на Земле ведет к катастрофе, их промышленность пачкает все вокруг, их образ жизни истощает ресурсы ископаемого топлива, выбросы углекислого газа нагревают атмосферу, движение товаров и людей усиливает парниковый эффект, а строительство городов и предприятий, уничтожение лесов и степей под предлогом их освоения сокращает жизненное пространство диких животных и растений. Этот факт признают все – кроме тех, кто отрицает очевидное. Но воз и ныне там: стоит появиться новым данным, их тотчас задвигают в дальний угол сознания, в глубокий карман, и это никак не меняет повседневной жизни, знание совершенно не сказывается на поведении людей. У Бритты же голова устроена совсем иначе, осмысленное разумом она приняла близко к сердцу и невольно перешла к активным действиям. Она протестовала у стен парламента, инициировала забастовку учащихся своей школы. «Что толку в учебе, если мы скоро сдохнем? Зачем слушать учителей, если они не понимают собственных слов?» Благодаря медиа – сначала местным, затем международным – возмущение Бритты разлетелось по миру и не могло остаться незамеченным. В противовес возмутительной инертности общества девочка-подросток обратила экологическую проблему в конфликт поколений: «Вы, взрослые, своей целью считаете потребление. Вы, взрослые, поганите наше детство, юность и годы, которые нам предстоит прожить после вас. Вы, взрослые, не проявили ни зрелости, ни ответственности. Вы оказались вовсе не взрослыми».

Трудно объяснить, отчего Бритта – сама, без чьей-либо помощи – стала символом. И под ее влиянием ее ровесники на всех континентах начали протестовать, а она улавливала и направляла их бунтарские настроения. Подростки сплотились вокруг нее, разоблачая лицемерие старшего поколения, осевшего и осовевшего: «Вы мухлюете, чтобы выиграть, вам интересна только выгода. Чего вы добиваетесь? Во имя денег вы разоряете природу, разрушаете будущее. Нет, это не выигрыш, а потеря! Опомнитесь. Время не ждет. Помогите нам спасти то, что еще можно спасти».

Суровая, но исполненная надежды, Бритта расколола мир пополам: одни ее обожают, другие ненавидят. Третьего не дано. Острым скальпелем рассекала она общество на противников и сторонников. Она пробуждает и ненависть, и любовь – но ее не волнует ни то, ни другое. Одинокая и сосредоточенная, она, не стремясь кому-то нравиться, решительно вступает в противоборство, с твердостью, свойственной лишь великим мистикам. Бритта Торенсен блистательна, это мощь исключительной личности. В ней пульсирует могучий гнев, от которого ее взор твердеет, лоб напрягается, указательный палец грозно взлетает вверх, речь воспламеняется, а ведь этот неослабный гнев живет в хрупком теле девочки-подростка. Когда она обращается к толпе, делается страшно, что эта сила может ее разрушить.

Ноам взглянул на часы: девочка обратится к телезрителям через несколько минут. Он устроился на диване. Все вокруг него – стены, шторы, кресла, ковер – выдержано в приглушенных тонах, будто облака даже тут, в шведских домах, по-прежнему рассеивают свет. Он направил пульт на телевизор, и в ту же секунду в дверь постучали.

– Это я!

Ноам вздрогнул. Как часто возглас «Это я!» бывает смешон, ведь «я» – имя всех, а значит, никого. Но только что прозвеневший голос сомнений не вызывал: это Нура. Откуда он знал? Конечно, это ее голос, звучный, музыкальный; ее внятная, точная дикция; и главное,

ее целеустремленность. В этом возгласе звучит и власть женщины, которая никогда не подчинится чужому диктату, и незамутненная свежесть той, что всегда оставалась собой, невзирая на обстоятельства, условности и веяния.

Как я люблю ее! – подумал Ноам. Как я ни пытался ее оттолкнуть – одному Богу известно, сколько раз! – ничего у меня не вышло.

Ноам открыл дверь. Нура без тени улыбки метнула взгляд своих зеленых глаз:

– Послушаем выступление Бритты вместе?

И, не дожидаясь ответа, она угнездилась среди диванных подушек и завладела пультом. На экране мельтешила реклама.

Ноам заворуженно смотрел на Нуру. Она вошла в его жизнь восемь тысяч лет назад. И как она до сих пор ему не наскучила? Почему, стоит ей появиться, его сердце начинает учащенно биться? Какое чудо противостоит оскудению любви, порождаемому привычкой? Нура и есть это чудо: с ней каждый раз все будто впервые. Ее присутствие так ослепительно, что отбрасывает прошлые встречи в тень. Нура живет только настоящим. И обороняется от ностальгии надежным щитом.

О чем она думает? Она занята нынешними делами, ее заботят грозящие нам опасности и выступление Бритты; ее внимание ничуть не отвлекают картины прошлого. А в сознание Ноама то и дело проскальзывают воспоминания: появление Нуры в озерной деревне его детства; ее первая фраза «Не смотри на меня так, не то я забеременею»; сковавшая их невозможность объявить о своей любви; их объятия, испытания и разлуки; встречи, которые вначале окатывали их недоверием, затем приносили забвение; целительные расставания, ревность и отчаяние; и опять непременная встреча...

Ноам встряхнулся, заметив, что заплутал в дебрях воспоминаний, и постарался сосредоточиться на неотложных проблемах. В подвалах ливанского Ковчега, убежища сурвивалистов, он обнаружил тайный арсенал, в котором группа преступной сети готовила теракт планетарного масштаба. По мнению этих боевиков, Земля становится непригодной для жизни, человечество обречено на катастрофу, в которой виновато оно само. Поразмыслив, они пришли к чудовищному выводу: им следует физически и материально подготовиться к концу света, чтобы войти в постисторию, и этот момент стоит поторопить. Операция «Рыцари апокалипсиса» вот-вот начнется: по распоряжению лидера ячейка Захарии должна взорвать пять атомных станций в Соединенных Штатах, а другие команды подхватят акцию в Европе, в России, в Китае, на Ближнем Востоке.

Ноам стащил у ливанской группировки компьютер. Его данные были переданы в Швецию, где гениальный хакер, лучший разоблачитель противозаконной деятельности, сотрудничал с Бриттой Торенсен. Коды взломаны, участники заговора выявлены. Бритта, ее соратники и Ноам, посоветовавшись, решили предать гласности неотвратимую угрозу. Время на исходе...

– Сколько часов остается, чтобы предотвратить атаку на атомные станции? – осведомился Ноам.

Нура внезапно расслабилась и, вздохнув, ответила:

– На самом деле охота на террористов уже началась.

– Но ведь Бритта еще не ввела политиков в курс дела...

– Дело в том, что во время неофициальных встреч ей удалось убедить их, и облава уже началась. А сейчас мы увидим что-то вроде инсценировки: Бритта сделает вид, что предупреждает людей о возникшей угрозе, а правительства сделают вид, что осознали проблему.

– Что? Неужели Бритта согласилась на этот маскарад?

– Мы не теряли времени даром. Как только Бритта заговорит, террористы все поймут. Поэтому их следовало блокировать заранее. Что полиция этих стран уже и... А, вот она!

На экране возникла Бритта – губы сжаты, брови насуплены, глаза горят огнем. Короткая выразительная пауза.

– У нас идет война. Кто наш враг? Не какая-то нация, как прежде. Противник – мы сами, высокомерное и беспечное человечество.

Пока Бритта произносила обвинительную речь, взгляд Ноама скользнул с экрана на Нуру. Они похожи?

Скорее, это не мать с дочерью, а сестры. Ведь Нура навсегда осталась двадцатипятилетней, а Бритта уже распрощалась с детством, хотя ее щеки, шея и тонкие пушистые волосы еще не поспевают за взрослением. У обеих чистый овал лица и гладкая кожа, маленький, четко очерченный нос, атласные брови. Но подбородок, скулы, радужка глаз, абрис висков и цвет кожи совсем разные. Мать и дочь роднит скорее совершенство лица, чем конкретные черты.

И вот еще: дочь переняла от матери уверенность в себе. Подобно Нуре, Бритта умеет заставить слушать себя. Даже когда она умолкает, ее молчание продолжает говорить; сначала оно означает «Я владею собой», затем «Мои суждения независимы», а еще «Вы – пустое место». Ее молчание не менее выразительно, чем слова.

Однако Ноаму пришлось сделать усилие, чтобы отвести глаза от Нуры и прислушаться к девочке.

– У нас идет война. И некоторые ею пользуются. Сурвивалисты-радикалы намерены приблизить конец света и ввергнуть человечество в хаос. Из надежных источников я узнала о существовании террористической сети, планирующей совершить ряд терактов. Эти фанатики одержимы идеей совершить диверсии на нескольких атомных станциях, гидроэлектростанциях, а также серверах хранения данных. И сейчас не время рассуждать о том, разумно ли получать энергию из ядерного топлива, не время задаваться вопросом о безумном расходе энергии, к которому нас ведет развитие информационных технологий, – нет, сегодня важно лишь одно: предотвратить теракты и остановить фанатиков. Немедленно! Моя команда передаст все полученные нами сведения в распоряжение властей. Я надеюсь, что на сей раз политики верно оценят степень угрозы. В противном случае завтра они неизбежно лишатся своих постов.

Бритта качнулась было назад, в этом движении мелькнуло все ее презрение к властям, но вовремя остановилась: ей шепнули, что еще пара слов, сказанных от души, послужат делу.

Тотчас слетелись микрофоны, нацелились ей в грудь, поплыли над ее головой, наперебой зазвучали вопросы. Каждый журналист норовил обойти остальных. Запросы сталкивались, гвалт стоял оглушительный. Бритта отступила, суровая и замкнутая. Выросли трое телохранителей и выставили мускулистый барьер, давая понять, что встреча окончена.

– Отлично! – прошептала Нура.

Она пробежалась по иностранным телеканалам, дабы убедиться, что комментаторы заглотили послание и уже вовсю его препарируют.

– Операция удалась! – заключила она. – Как насчет аперитива?

Она направилась к бару, схватила бутылочку «Лагавулина».

– Глоток виски не слишком соответствует масштабу события, это очевидно, но лучшего тут не нашлось.

Она уселась рядом с Ноамом, его окутало душистое облако и пробудило нежные воспоминания. Они чокнулись.

Ноам удержал глоток алкоголя во рту, чтобы густая жидкость обволокла нёбо, и до ожога просмаковал ее пряный торфянистый вкус. Под действием этого изысканного букета он представил, что рот Нуры подвергся тому же ароматному вторжению. Ему захотелось ее поцеловать.

Краем глаза он отметил, что она вряд ли откликнется: вперившись в экран, она осмысливала реакцию журналистов, собравшихся в какой-то американской студии.

Ноаму никак не удавалось расслабиться. События последних дней не отпускали. Он испытывал облегчение, которому не сопутствовала радость, – облегчение канатоходца, оторопело вззирающего на бездну, куда он едва не угодил, передышка, которая не уменьшает страха, а усиливает его.

* * *

Еще несколько секунд... И они узнают, удалось ли вооруженным формированиям задержать террористов.

Время растягивалось, в минуту уже не шестьдесят секунд, а все сто двадцать, сто двадцать игл, медленно вонзающихся в кожу.

Нура, Бритта, Ноам и Свен, устроившись за круглым столиком «Café Opera», пытались сохранять оптимизм. Мать с дочерью намеренно выбрали знакомое заведение – деревянные панели и ощущение уюта, – им как-то довелось поужинать здесь перед спектаклем. Как всегда, изобильный декор притягивал внимание: здесь не было ни сантиметра, избежавшего отделки, от деревянных панелей рыжего ореха, гипсовой лепнины по стенам и потолочных росписей, открывающих взору сельский пейзаж, до купола, составленного из цветных витражей с цветочными мотивами. Прибытие блюд с непременною селедкой, треской, картошкой и сырными пирожками сопровождается балетом официантов в белых жилетках и метрдотеля во фраке. В этой роскошной вселенной звучат и Пёрселл, и Гендель, и Моцарт, хотя оформление выдержано скорее в стиле ар-нуво. Как всегда, спускаются чары и окутывают посетителей ровным теплом. Но на их четверку обстановка сегодня не действует... Ресторан шелестит милым бормотанием, а за их столиком царит гробовая тишина.

Они знают. Все может пошатнуться. Чтобы не слишком пугать людей, власти обманули население, преуменьшив опасность. Но в этот самый миг решается судьба планеты. Прикрыв глаза, Бритта разглядывает шнурки у себя на запястье; Нура изучает роспись плафона; ее муж Свен поглаживает бороду.

Они ждут. Поначалу они перебирали возможные темы беседы; но темы быстро иссякали, и эти четверо больше не пытались чем-то скрасить нетерпеливое ожидание.

Ноам думает о разном. С одной стороны, в унисон тревогам сотрапезников, его мысли то и дело обращаются к взрывоопасной ситуации: успеют ли обезвредить фанатиков? С другой – рядом с этой молчаливой троицей ему не дает покоя вопрос: кто такой Свен? Почему Нура любит его? Как он ухитрился сделать ей ребенка?

Ноам лихорадочно ломает над этим голову, ведь он знает, что Нура скрывает и их возраст, и их страсть протяженностью в восемь тысяч лет. Нура не проговорится никогда. Да Свен и не поверит в такое. В представлении этого шведа Ноам, прилетевший из Бейрута или Дубая, чтобы доставить эксклюзивную информацию, просто боевой товарищ, и не более.

Ему невыносимо все, что он замечает в Свене. Хотя черты этого высокого тридцатилетнего парня нежны и аскетичны, Ноама раздражает его взъерошенный вид: русая грива с редкими седыми волосками, всклокоченная борода, закрывающая шею, мятая рубашка, потертые джинсы и теплые ботинки. Под этими неряшливыми одежками лесоруба нельзя разглядеть его телосложения. Однако руки у него не слишком мускулистые, на них проступают заметные вены. Что же, он стройный и в хорошей форме? Или просто жалкий тощий мозгляк? На кого польстилась Нура? Он рохля или псих? Не важно, ведь эта кокетка способна увлечься и огородным пугалом! Почему бы нет, ведь только что какая-то дамочка продефилировала рядом с их столиком, источая аромат пачули, и Свен объявил, что парфюмерия его ужасает, он разразился гневной речью, мол, «наша эпоха заставляет людей слишком много надраиваться, душ дважды в день травмирует кожу, избыток мыла ее сушит, лишая защитного слоя». Для него естественность – это экологический идеал: человек как он есть, человек доиндустриальной эпохи, как в давние времена. Какая глупость! – думает Ноам. В эпоху неолита, когда он был ребенком, мужчины и мылись, и причесывались, и – правда, слегка – подрезали волосы, и даже брились. Забота о гигиене и внешнем виде волновала их не меньше, чем нынешних людей. Такое мнимое возвращение к истокам – просто-напросто идиотский закидон! Нура это пре-

красно известно. Ноам гадает, чем пахнет Свен и как Нура его терпит? Можно представить, как воняют его подмышки... И что она в нем находит?

– Ведь нас должны оповестить? – шепчет Нура, в сотый раз заглядывая в телефон.

– Не обязательно, – отвечает Свен. – Пусть лучше работают, не отвлекаясь на сообщения нам.

– Да как же, – всхлипывает Нура, – ведь террористы знают, что мы знаем.

– Чепуха! – фыркает Бритта.

Все разом поворачиваются к ней, и она поясняет:

– Эти типы будут землю носом рыть, потому что рискуют потерять все. Они будут тянуть резину, пока не почувют опасность. Но на краю бездны они зашевелиятся.

– Глупо недооценивать их некомпетентность, – возражает Нура.

– Ты права, – соглашается Бритта.

– И ловкость террористов, – добавляет Свен.

– Тоже верно.

Тревога опять сковывает сотрапезников.

И Ноам снова невольно ныряет в прошлое. За все прошедшие эпохи ему и в голову не приходило, что когда-либо ему доведется пережить подобное. В XXI веке есть что-то уникальное и гнетущее.

Совсем недавно Ноам очнулся в Бейруте после спячки продолжительностью в несколько десятилетий и поначалу восхитился новой эпохой, где каждый может воспользоваться чудесами развитых технологий; он отметил повышение уровня жизни и рост числа стариков в отличной физической форме. Но потом встретил молодых людей, которые были подавлены, не видели для себя будущего, смертельно его боялись и осуждали политиков за вялость и бездействие в вопросах защиты окружающей среды. По всей планете они размахивали транспарантами с жуткой фразой: «В котором часу конец света?» Ноам украдкой вздыхает. Опять этот вечный конец света! Страх перед будущим живет испокон веков: едва люди научились думать, они стали бояться. За восемь тысяч лет Ноам много раз сталкивался с этим страхом. По ходу времени видоизменялось и само представление о катастрофе – потоп, молния, угасание солнца, пандемия, землетрясение, цунами, тепловая смерть вселенной вследствие энтропии; сменялись ее виновники – языческие боги, единый бог, природа, человек; менялись и ее причины – жестокость богов, возмездие Яхве, законы биологии, бесконтрольное загрязнение природы, – но неизменными оставались смятение и ужас. Однако в этом веке Ноам замечает существенное новшество: прежде апокалипсис был пророческим измышлением, теперь же знаки его приближения мы видим в реальной жизни. Видовое разнообразие скудеет, ледники тают, столбик термометра ползет вверх, наводнения учащаются, периоды летней жары удлиняются. Апокалипсис покинул свое древнее жилище – страну химер – и воплотился в жизнь: перестав тревожить мозг, он обосновался на земле.

Жужжит Нура телефон. Пока она открывает сообщение, все сверлят ее взглядом.

– Победа! В Соединенных Штатах армии удалось предотвратить теракт. В других странах полиция выявила ячейки террористов и задержала их. Сеть обезврежена.

Нуре приходится прочесть сообщение несколько раз, чтобы тревога улеглась. Все расслабляются, за столом воцаряется эйфория.

– *Skål!*¹ – восклицает Свен, поднимая бокал.

– *Skål!* – подхватывает Бритта с порозовевшими щеками.

Четверо чокаются.

¹ За ваше здоровье! – на шведском, норвежском и датском языках тост, восходящий к традиции викингов, к воинственному кличу, означавшему призыв пить вино из черепа поверженного врага. – *Примеч. перев.*

Обстановка разряжается, ресторан вновь обретает свое очарование, и течет беседа, живая, разнообразная и легкая. В считанные минуты Бритта становится беспечным подростком, она фыркает, шутит и смеется, ей снова пятнадцать лет. Ноам заметил, что Свен с дочкой общаются на одной волне, и не успевает один из них закончить фразу, как другой покатывается со смеху. Нура благостно наслаждается этим сообщничеством.

Ноам наклонился к Нуре с вопросом:

– Главаря, Д. Р., захватить удалось?

Нура моргнула, заметив:

– В сообщении о нем ничего не сказано. По-моему, это подразумевается.

– То есть Д. Р. находится в тюрьме?

Нура выразительно взглянула на Ноама, мечтая, чтобы он заткнулся.

– Д. Р. находится в тюрьме.

Они смотрят друг на друга, и на сей раз им видится одна и та же картина: они представляют своего извечного противника Дерека в застенках, наконец обезвреженного. Если бы это было так...

Прозвучал колокол, возвещая новую фазу вечера.

Зал заполнялся посетителями, шумными и возбужденными. Они только что слушали поблизости «Дон Карлоса» Верди и теперь оживленно обменивались впечатлениями.

Вдруг грянули аплодисменты. Гости встали и устроили овацию великану, вошедшему с охапкой цветов.

– Ой, мама, это же Матс Блом! – воскликнула Бритта.

Она тоже вскочила и зааплодировала как ненормальная.

Нура в двух словах пояснила Ноаму, что Матс Блом в Швеции – настоящая звезда: этот певец с дивным голосом выступал в группе хард-рока, которую молодежь очень ценила, потом переключился на лирические песни, теперь соединяет популярную музыку с классикой, и его аудитория очень расширилась.

Пока Матс Блом в сопровождении импресарио шествовал к столику, овации нарастали, грянули крики «Браво!». Его выступление в партии Филиппа II было великолепно. Матс сделал несколько приветственных жестов, изобразил смущение в связи с неугасающими восторженными возгласами; импресарио что-то шепнул ему на ухо. Герой вечера взмахнул своими немислимыми ручищами, требуя тишины, и отблагодарил поклонников, запев одну из своих лучших арий:

Ô Isis und Osiris, schenket
der Weisheit Geist dem neuen Paar!

Ария Зарастро из «Волшебной флейты» взлетела под стеклянный купол.

Голос Матса напоминал расплавленную лаву, черный уголь нижнего регистра вверху превращался в раскаленные уголья. Текучие, плавные звуки свободно сливались без помех и про-рех в пластичные фразы. Тело певца, поначалу массивное и тяжелое, обретало свою подлинную суть, оно становилось музыкальным инструментом, резонатором, обителью звуков. Роскошному голосу и анатомия под стать. Сочная густота тембра может объясняться лишь комплексией пышущего здоровьем борца. Стоит Матсу запеть, и уже нет у него лишних килограммов.

Всякий раз, когда он брал низкую ноту, черты его лица поражали своей молодостью, гладкостью кожи и свежестью: ему было лет тридцать. Немислимая глубина его голоса покоряла; слушателей изумляло внезапное усиление звука, который, казалось, исходил из труб органа.

Stärkt mit Geduld sie in Gefahr!

Ноам наблюдал за Бриттой. Девушка затаила дыхание, глаза блестели, виски, шея и грудь порозовели. Она чувственно подалась вперед, распахнувшись навстречу мощному телу певца, а то, в свою очередь, завладело ею. Были в его голосе медь и бронза, но была в нем и плоть. Расцветшее вибрато говорило о дыхании и трепете грудной клетки. Высокие звуки сотрясали великана, вены вздувались, а мышцы спины и живота контролировали и поддерживали звукоизвлечение.

Бритта была околдована. Между ней и Матсом установилась волнующая близость. И верно, у них было нечто общее, некая сила, которая больше их, она их пронизывала и превосходила.

Ô Isis und Osiris, schenket
der Weisheit Geist dem neuen Paar!

Матс забыл слова и повторял первый куплет вместо второго.

Ноам и Нура вздрогнули и с волнением переглянулись. Моцарт написал музыку на слова, которые давно протоптали в их сердце тропинку: «*О, Исида и Осирис, даруйте дух мудрости этой юной чете. Вы, руководя шагами странников, укрепите их терпением в опасности*»². От этой проповеди им стало слегка не по себе.

Исида и Осирис... Абсолютная пара, вобравшая все радости и все печали.

Исида и Осирис, их тайна... которую они не раскроют никогда.

Поймав на себе недоуменный взгляд Свена, Ноам с Нурой, застигнутые врасплох, опомнились и опустили глаза.

В зале снова зааплодировали. И лишь Бритта, измученная голосом Матса, сидела неподвижно. Ноам все больше беспокоился за нее. Такая восприимчивость и ум таят ловушку; непомерно развитые достоинства делают Бритту уязвимой. Слишком уж остро чувствует она брошенные ей вызовы.

Но сейчас все веселились. Свен ревел, как орангутанг, зал гудел от восторга, Матс сел за столик, вечер продолжился.

За десертом Бритта оживилась, хоть и позевывала от усталости. Что тому причиной – тревожный день или радостный вечер? Ноам заподозрил, что ей легче дается борьба, чем наслаждение.

Выйдя из ресторана, они вдыхали полной грудью душистую свежесть Стокгольма и упились прогулкой под ночным небом почти океанической синевы, под которым растекался оранжевый свет фонарей, ложась на асфальт и фасады домов.

Они вошли на широкий каменный мост, и вдруг взревел мотор. На них с треском несся мотоцикл. Водитель в закрытом шлеме и черном кожаном комбинезоне, агрессивно нагнувшись вперед, разгонялся по проезжей части, запруженной гуляющей публикой. Он не пытался их обогнуть. Казалось, наоборот, в них-то он и целился. Раздался визг. Упала какая-то женщина. Несколько прохожих с криком повалились на землю. Для водилы они были кеглями в боулинге. Одни вспрыгивали на парапет, другие убегали.

Ноам втолкнул Нуру и Бритту в какой-то закуток.

Псих пронесся мимо. Неужели он хочет всех раскидать? Он резко развернулся, едва удержавшись от падения, и бросил мотоцикл в их сторону.

– Разбегайтесь! – крикнул Ноам.

Они бросились врассыпную в поисках укрытия. Байкер метался по мосту, – похоже, он охотился за Бриттой. Девочка бежала со всех ног, но укрыться было негде, а псих уже настигал ее.

² Вольный перевод М. Кузмина. – Примеч. перев.

Мотоцикл едва не сбил ее с ног, но в этот момент Ноам нанес мерзавцу мощный удар кулаком.

Байкер пошатнулся, мотоцикл накренился, опрокинулся на асфальт, отлетел к парапету и уткнулся в него.

Послышался вой полицейских сирен.

Нура и Свен бежали к Бритте.

Ноам бросился было к головорезу, но тот вскочил, убедившись, что руки и ноги целы, поправил шлем, смерив Ноама холодным взглядом, схватил мотоцикл, вскочил на него и рванул с места. Теперь он мчался на полном газу, объезжая прохожих. Когда подкатили первые полицейские машины, он уже скрылся из виду.

Ноам двинулся к своим товарищам. Свен широко раскрыл объятия, крепко его стиснул и пробормотал:

– Спасибо, друг. Ты спас мою дочь.

Ошеломленная Бритта не реагировала. Нура знаком велела Свену вернуться к дочери. Подойдя к Ноаму, она прижалась к его плечу и замерла. Лицо ее было бледно, черты искажены, тонкие ноздри подрагивали. Она прошептала:

– Ты понял?

– Что?

– Он целился в Бритту.

– Не только.

– Именно в нее! Он и развернулся, потому что его целью была она. Все прочее – отвлекающий маневр.

– Да ладно, Нура, это был просто псих!

– Вовсе нет, это был наемник.

– Но кто его послал?

Нура дрожала. Ее душили слезы, потом она глухо прошептала:

– Это месть, Ноам, месть. Ты заметил, что красовалось на его шлеме?

Ноаму в момент опасности было не до этих деталей. Нура сдавленно проворчала:

– Человеческий силуэт с вытянутой звериной мордой и длинными ушами.

Ноам судорожно сглотнул. Нура не унималась:

– Да, это Сет. На его шлеме был знак Сета.

Ноам отвернулся. Нет. Не Сет. Только не Сет!

В XXI веке, здесь и сейчас, этот египетский бог, враг Исиды и Осириса? Опять?

– Но ты же меня недавно уверяла, что Дерека...

Нура не успела ответить, как проснулся ее телефон. Она прочла сообщение и побледнела.

– Они не задержали Дерека. Он скрылся от них. Этого-то я и боялась: последует возмездие. Он ни перед чем не остановится. – Она прижалась к груди Ноама и пробормотала: – Бритта стала олицетворением его провала, и теперь она станет его мишенью.

* * *

Ноам вперился в потолок, на котором подрагивали отсветы огней ближних и дальних морских судов.

Он не задерживал штор, потому что не хотел полной тьмы. Все равно не заснуть. Мозг выключить не удастся. Нет, не знать ему покоя!

– Но и миру тоже! – вздыхает он, ища утешения.

Исида, Осирис, Сет... Минули тысячелетия, и все начинается по новой. Сколько можно мусолить обиду? Но что делать? Безвыходность невыносима.

Он судорожно вскочил, сел за стол, зажег лампу. Желтый отблеск лампочки на красном дереве стола – маленький бог Ра.

Ноам открывает тетрадь, берет ручку.

Писать. Писать, чтобы понять. Писать, чтобы высветить лабиринты истории. Писать, чтобы прояснить смысл, себе и другим.

И что поделать, если ему поневоле придется раскрыть секреты!

Он продолжает свое повествование.

А может, это оно его продолжает...

2

«После смерти возвращайся ко мне». Это были мои последние слова влюбленного.

Перед руинами Бавеля³, этими завалами, из которых торчали где колонна, где обломок стены, где обезглавленная статуя, над этим покровом пыли, под которым разлагались тысячи трупов, я коснулся губами бархатистого изгиба ее маленького ушка, вдохнул каштановый запах ее волос, в последний раз ощутил тепло ее тела и, прикрыв глаза, чтобы навсегда удержать эти ощущения, прошептал: «После смерти возвращайся ко мне».

Нура обернулась, я еще раз взгляделся в прозрачную кожу ее лица, она улыбнулась одними глазами, подтвердила ответ складочкой лба, алые губы обозначили еле заметный поцелуй, затем живо и легко отстранилась, сделавшись почти призраком, и вот она уже подле Авраама.

Предводитель евреев не знал, что в его жилах течет моя кровь, не знал он и того, что ради его любви я жертвовал своей любовью. Мне было важно другое: и Авраам, и Нура заслуживали счастья. Я уступил им право быть счастливыми и вышел из игры. Как легко молчать, когда знаешь, что тебя не поймут! Мой выбор укоренился во мне естественным образом, я не рыдал и не рвал на себе волосы, – казалось, будто не сам я распорядился своей участью, а судьба.

Колонна кочевников двинулась. Верный своей миссии, Авраам повел пастухов и стада к тучным землям. Он отметил свой скот каленым железом, он отметил свой народ обрезанием. Благодаря культу Яхве, сурового бога пустыни, Авраам собрал свой народ, но ужасная опасность, которую они одолели, спаяла их еще сильнее: они избежали рабства. Лучшего цемента, чем сознание смертельной опасности, и придумать невозможно! Возродиться, побывав на краю бездны... родиться заново, понимая свою уязвимость... Страшное испытание сплотило еврейский народ⁴.

Когда Бавель был разрушен, подданные Кубабы пошли за своей царицей, пастухи Авраама – за своим патриархом.

³ Читатели эпопеи помнят, что автор намеренно вводит непривычное для нас, более древнее, восходящее к аккадскому периоду название Вавилона. Об этом он пишет в книге «Врата небесные». См.: Шмитт Э.-Э. Путь через века. Кн. 2. Врата небесные. М.: Иностранка, 2022. С. 125. – *Примеч. перев.*

⁴ Я не знаю другого народа, идентичность которого в такой степени основана на несчастье. История еврейского народа – это непрерывный ряд проектов его истребления, которые срывались в самый последний момент. Первым набросился на него Бог – который, впрочем, его и избрал – и принялся его истязать: Всемирный потоп стал настоящей катастрофой, которую пережила лишь семья Ноя; затем Бог ожесточился на тех, кто сетовал на голод, он наслал на них змей и умертвил критиканов; в 597 году до н. э. подключается царь Навуходоносор II и уводит знатных иудеев в плен из Иерусалима в Вавилон; затем Седекия опустошает город, за пять лет происходят и новые пленения. Наконец Иерусалим завоевывают римляне и отправляют множество невольников в Рим: так на Западе образуется первая диаспора. Восстание иудеев в 66–70 годах оканчивается бедствием, полным разрушением Храма, накануне появления второй диаспоры. Затем тянется долгий ряд гонений и преследований вплоть до XX века, когда Гитлер затевает полное истребление еврейского народа. После беспрецедентной Катастрофы еврейский народ провозгласил образование своего государства, обосновался на исконных землях, но на сей раз ему приходится делить вновь обретенную территорию с законными насельниками. Кто еще смог бы противостоять всем этим атакам, депортации, истреблению? Душу евреев определяет стойкость, эта внутренняя сила, позволяющая им возрождаться из пепла. Если бы евреи сопоставили поражения и победы, усеивавшие их историю, явный перевес оказался бы на стороне поражений. Однако самой большой победой можно назвать их способность возрождаться после провала. – *Здесь и далее примеч. автора, кроме отмеченных особо.*

Я не шел ни за кем.

Два народа отправились каждый в свою сторону, а я недвижно сидел на перекрестке дорог.

Евреи уходили все дальше. Во главе их процессии Нура, звавшаяся Саррой, восседала на маленьком ослике, трусившем робкой поступью; направлял его Авраам. Невесомая и хрупкая Нура едва ли была для ослика тяжким бременем. Я видел, как она удалялась, невозмутимая и великолепная; нежная шея чуть клонилась под роскошной шевелюрой, покачивалась изящная ножка в плетеной сандалиии, и внезапно я испытал острое чувство покинутости.

Меня окатывали горькие волны тоски. Я сел прямо на пыльную тропинку и съезился.

Ждать. Я должен ждать. Вынести это тяжелое ожидание. Дождаться, когда Авраам окончит свои дни и преставится на руках у супруги. Тогда Сарра разыграет собственную кончину, и возрожденная Нура вернется ко мне.

Меня била дрожь, мне хотелось выbleвать свою участь.

Куда мне податься?

Любовь изобрела одиночество. Если бы я не боготворил Нуру, я никогда не чувствовал бы себя подавленным, обездоленным и несчастным.

Я извлекал уроки прошлого. Когда приспешники тирана Нимрода похитили Нуру, на поиски я потратил шесть лет и нашел ее лишь благодаря немислимой случайности: она оказалась женой Авраама. На сей раз я не имел права ее терять. И я решил кочевать в окрестностях стойбища пастухов.

Итак, я держался неподалеку от народа Авраама, на таком расстоянии от них, чтобы не привлекать внимания, но в то же время отслеживать их перемещения. Их вольный образ жизни все больше конфликтовал с веяниями времени. В Стране Кротких вод⁵ разрастались города; стоило городу подняться внутри укреплений, он захватывал окрестные земли, считая их своими, а затем, облагая земледельцев налогом – забирая часть урожая и приплода скота, – обеспечивал селянам вооруженную защиту. Оседлость и рост городов входили в противоречие с кочевническим образом жизни. Отказ от собственности – основное и неизблемое правило Авраама – вводил в недоумение торговцев, которых становилось все больше. Долгие тысячелетия наши предки, охотники и собиратели, шагали по миру, не заботясь о законности своих перемещений, а теперь их наследников, этих бездомных бродяг, попросту считали париями, дармоедами и грабителями. В силу обычаев, утвердившихся среди горожан и земледельцев, власти выдавливали кочевников на малопригодные для жизни территории. Утверждение государств заклеямило древний способ населять земли: вольности прежних времен оно сдало в архив.

Гонимые отовсюду, евреи теперь держались подальше от Страны Кротких вод и кочевали по равнинам и долинам между Большим морем и Соленым⁶, где задерживались на несколько месяцев, не больше.

Пышная и разнообразная флора подвигла меня заполнить эти промежутки полезным делом, исследовать лечебные свойства растений. По примеру своего учителя Тибора, я бороздил луга, леса, пустыни и заросли вечнозеленых кустарников, стараясь разминуться с отрядами солдат, смотревших на бродячего травника неодобрительно. Я склонялся над портулаком, наделенным слабительными свойствами, изучал мирт, который помогает пищеварению,

⁵ Месопотамия.

⁶ Палестина расположена между Средиземным морем и Мертвым. Семиты называли Большим морем, а египтяне – Великой Зеленью то, что латиняне позднее окрестят Mare nostrum, а затем – Средиземным морем, потому что, с их точки зрения, отличной от точки зрения жителей Ближнего Востока, эта водная гладь простиралась «среди земель». Соленое море – это бессточное озеро, куда впадает Иордан; путешественников озадачивала его солонность: она удерживала их на водной поверхности и не позволяла в нем обитать рыбам и водорослям, что подтолкнуло любителей драматизировать реальность назвать этот водоем морем Смерти, или Мертвым морем. В конце концов в этом поединке названий выиграла пессимисты!

и горчицу, чье ароматное семя украшает пищу, а в виде припарок смягчает легочные болезни. Даже бесплодные каменистые почвы порождали чудеса: пример тому каперсник, чьи корни утоляют боль, а цветы снимают глазную красноту и воспаление. Наткнувшись на заросли тмина – любимой поварами пряности, – я открыл, что отжатое из его семян масло благотворно для кожи, рубцует раны и излечивает водянку. Смола терпентинного дерева смягчает кашель и очищает грудь; я заметил это прежде, чем жители греческого Хиоса, разбогатевшие на торговле терпентинным маслом.

Наконец, я стал изучать мандрагору, магические свойства которой мне расхваливал многоопытный Тибор. Ее причудливый корень, напоминающий человеческое тело, пробудил во мне мысль о том, что обитающие в его разветвлениях демоны могли бы воздействовать на схожие участки тела: часть корня, напоминающая торс, может воздействовать на торс; схожую с головой можно применить для головы; похожая на ногу могла бы пригодиться для ног, а напоминающая половой член пригодилась бы для него. Но обнаружил я лишь два побочных эффекта: подобно белладонне, мандрагора расширяет зрачки, взгляд от нее чернеет; к тому же она усыпляет, приглушая дыхание и замедляя сердце. Никакого толку! И почему Тибор так ее нахваливал? Я до сих пор не знаю, ошибся ли я с определением мандрагоры или неудачно провел опыт.

Я регулярно справлялся об Аврааме. В силу забавного парадокса, усложнявшего мои чувства к нему, я искренне желал, чтобы этот мой потомок – далеким пращуром которого оказался мой сын Хам, – жил долго и счастливо... и в то же время я с нетерпением ожидал его угасания и кончины, которая позволила бы мне вновь завладеть Нурой. Так или иначе, Авраам старился, пребывая в добром здравии, его поддерживали деятельная жизнь и простая пища. Про Сарру и их наследника Исаака до меня доносились также хорошие вести: оба они благоденствовали.

Подчас я до головной боли изводил себя вопросами: скучает ли по мне Авраам? Знает ли Нура, что я брожу поблизости? Думает ли обо мне? Мне не давала покоя разность нашего положения: даже если она по мне скучает, она утешается с Авраамом, а я чахну в одиночестве.

И все же я не жалел о своем выборе. Любовь к Нуре диктовала мне именно такой путь, и хоть дни моей жизни были внешне пусты, лишены встреч, бесед и наслаждений, они не были лишены чувства: ожидание Нуры наполняло мое существование смыслом.

И годы сменяли друг друга.

Кончалось и это лето. Я шпионил за стойбищем евреев, остановившихся на зеленой равнине, которую оттеняли их черные шатры, рыжие козы и эбеновые овцы⁷. В этих краях всегда обитали люди, которых привлекало плодородие здешних почв, но городов здесь не было. Там и сям попадались одиночные фермы, постройки из дерева или известняка. Оседлые семьи обрабатывали землю, занимались гончарным делом и виноградарством. Авраам, привлечен-

⁷ Я видел, как луга по ходу тысячелетий меняли цвет. Трава была по-прежнему зеленой, а стада посветлели, пигментация шерсти и шкуры животных изменилась. В старые времена своим природным окрасом они затемняли пейзаж: овцы и свиньи были черными, козы – рыжими, лошади – гнедыми, коровы – бурыми. Затем животноводы занялись селекцией и скрещиванием, и вот в XVIII веке овцы побелели, в следующем свиньи оделись в розовый шелк, а в XX веке коровы стада запестрели бежевым, желтым и пегим. Нет ли тут творческого безумия, хвастовства своей властью? Я связываю эту цветовую эволюцию домашнего скота с колониальными завоеваниями и промышленной революцией, которые происходили в ту же эпоху: повсюду, и в животном мире, и в социальном устройстве, утвердилось превосходство белого человека. А он не только завладел землями и подчинил местное население, но и сумел уподобить себе окружающий мир и даже высветлил сельский пейзаж. До сих пор при виде равнины я испытываю удивление, ведь несколько веков не стерли воспоминаний, запечатленных в юности. Панорама утратила прежний красно-коричневый колорит. И если мне хочется сегодня оживить давнишние ощущения, я отправляюсь в музей, люблюсь полотнами эпохи классицизма, картинами Никола Пуссена или Саломона ван Рёйсдала, узнавая пейзажи своего детства. Недавно я был поражен уместностью термина «marronnage» (от *marron* – каштановый. – *Примеч. перев.*), возвращение одомашненных животных к дикой жизни. Если вначале он означал бегство рабов, которые укрывались в делянках дикой природы, то позднее его связали с одичанием домашних животных, и это очень точное слово: одичавшие собаки спустя несколько поколений вновь обретают темный окрас.

ный свежестью холмов Мамре, каждое лето приводил сюда свой народ и стада, чтобы избавиться от душливой жары, спускавшейся на побережья Великого и Соленого морей⁸.

Подступала осень: тускнела листва, прилетали на зимовку соколы. Обычно сбор винограда был для евреев сигналом к отходу; едва виноградари начинали таскать полные корзины к каменной давилне, дабы извлечь из ягод сусло, свободное от кожуры, зерен и веточек, как двенадцать племен пускались в путь. Однако в этот год они не двинулись с места. Похолодало, зачастили дожди, но я не замечал никаких приготовлений к перекочевке. О чем думал Авраам? Его народ никогда так надолго не задерживался на месте.

В нетерпеливом ожидании возлюбленной я размышлял о предмете, который не давал ей покоя: о бесплодии. Когда мы окажемся вместе, она снова начнет изводить себя желанием забеременеть. Со мной ей это не удалось, с Авраамом тоже, ведь она хитростью присвоила новорожденного сына служанки и объявила его их сыном, Исааком.

Мои блуждания привели меня к целомудреннику – кустарнику с перечным запахом; Тибор когда-то указал мне на него. Как-то один земледelec спросил моего совета; его новая супруга не беременела, и я занялся не им самим – с прежней женой он родил четверых детей, – а молодой женщиной, месячные которой были нерегулярны. Я несколько месяцев лечил ее плодами целомудренника, ее цикл нормализовался, и она зачала. Я обрадовался и сразу подумал о Нуре, которой непременно порекомендую это снадобье⁹.

Как-то вечером – солнце еще медлило над горизонтом – к моему шатру подскочил мальчонка с взъерошенными волосами, обветренными щеками, грязными локтями и коленями.

– Сарра ждет тебя под дубом Шелах завтра, когда солнце поднимется на самый верх, – хрипло проговорил он.

– Под дубом Шелах?

– Под старым дубом, таким толстенным, что за давилней, у входа в виноградник.

– Хорошо. Приду.

Он все не уходил, так и сверлил меня умоляющим взглядом.

– Чего ты хочешь?

– Нура сказала, что ты дашь мне снадобье от струпьев.

Я глянул на его колени и локти, усеянные темными струпьями, среди которых виднелись пятнышки новой розовой кожи.

– Не волнуйся, они и сами отвалятся.

– Я говорю про струпья Леи, моей новорожденной сестренки.

– А, ты про молочные корочки? Желто-белые чешуйки на голове?

Он насупился, сердясь, что я предположил, будто он просит что-то для себя. Обычно я советовал матерям массировать головку младенца собственным молоком, но сейчас почувствовал, что он не решится вернуться домой с этой жалкой рекомендацией. Раз он придает своей миссии такое значение, я не стал ему говорить, что годится любая жирная субстанция – хоть миндальное масло, хоть оливковое, – и сообщил, многозначительно прикрыв глаза:

⁸ Сегодня эти территории определяют как Западный берег реки Иордан.

⁹ Целомудренник теперь называют прутняком обыкновенным. Будучи целителем, я когда-то прописывал от бесплодия традиционные снадобья: настой листьев малины, отвар красного клевера – согласно убеждению, что красное подстегивает кровь. Касательно прутняка мой наставник Тибор установил, что его фиолетовые цветы усмиряют мужской пыл, и Тибор рекомендовал их, когда родители хотели обуздать горячего мальчика-подростка или жена мечтала укротить ветреного мужа. Когда мы расставались, Тибор высказал предположение: «Это растение добавляет женского к мужской особи. Но отчего бы ему не добавить того же и к женской особи и сделать ее еще более женской? Надо бы испытать его при женском бесплодии». Доверившись его интуиции, я занялся этими испытаниями и убедился, что Тибор был прав. В Древней Греции прутняк широко использовали для укрощения либидо у воинов, а в христианскую эпоху его применяли служители церкви, отсюда и еще одно название прутняка – монашеский перец. В Средние века им набивали матрасы дурных слуг, чтобы те вели себя потише. Современная наука признает за прутняком способность гормональной регуляции: он уравнивает продукцию эстрогенов и блокирует действие тестостерона. Его назначают женщинам, в организме которых иссякает запас яйцеклеток. Как нередко случалось, мой наставник Тибор, рассуждая по аналогии, оказался прав.

– У меня есть специальная мазь. Экстракт календулы. Осторожно, она очень редкая и драгоценная.

Конечно, я врал направо и налево, ведь этих шафранных цветов – их еще называют «невестами солнца» – вокруг полным-полно. Мальчишка был доволен и умчался, прижимая трофей к груди.

Завтра свидание с Нурой... Я был озадачен. Зачем она прислала гонца? Почему призывала меня так церемонно? Странно... Ради чего рисковать, что евреи меня узнают?

Однако Нура всегда сопутствовала атмосфера загадок, если не сплошных тайн, и я настолько привык к ее необъяснимым поступкам, что перестал мучиться вопросами и весь отдался предвкушению свидания.

На следующий день я загримировался и направился, куда было велено.

Проходя мимо сикомор, я заметил, что кучка людей бежит в ту же сторону, к старому дереву. Их крики и плач подымались к небу. Что такое? Я ускорил шаг и присоединился к бежавшим; вдали уже собралась большая толпа.

Под дубом на ковре колючих зубчатых листьев лежала с закрытыми глазами бледная, неподвижная Сарра.

Возле нее на корточках сидела служанка и всхлипывала:

– Змея! В корзине с финиками притаилась змея. Она уползла...

Один из пастухов склонился над Саррой:

– Она не дышит. Сердце не бьется.

Служанка взвыла:

– Сарра умерла!

Эти слова понеслись эхом от ближних к дальним. Их госпожа покинула сей мир.

– Надо сказать Аврааму. Где он?

Лицо служанки потемнело.

– С другой... Как всегда...

– Кто она?

– Хеттура, – сплюнула она, – эта мерзкая наложница!

Другая? Значит, Авраам ходит к другой? В голове моей невольно завертелся хоровод мыслей. Соперница? Связано ли это как-то со смертью Сарры? Во всяком случае, моя любимая покончила с собой, что сводило меня с ума, хотя я не сомневался в ее скором возрождении.

Я покачал головой. На что рассчитывала Нура? Какова моя роль в этой истории? Не спасателя и не целителя, иначе она предупредила бы меня заранее. Так что же?

Я протиснулся вперед между зеваками. Изменив голос, я назвал себя врачом и попросил служанку, чтобы она позволила мне прослушать госпожу. Та в надежде на чудо уступила мне место.

– Змея притаилась там, в корзине с финиками, – бормотала она, указывая в угол.

Я внимательно осмотрел уже похолодевшую руку Нуры: на ней виднелся укус, но единственный, не двойной; то не был укус гадюки, которая впрыскивает яд, вонзая в жертву два зуба. Порывшись тайком в ворохе Нуриных одежд, я извлек маленькую медную трубочку с иглой – несомненно, спрятанную Нурой. Вот чем она укололась: она назначила себе смертоносный укол, а змея была лишь для отвода глаз. Я воспользовался случаем, чтобы как следует разглядеть Нуру. Замаскировалась она великолепно, передо мной и впрямь лежала старая женщина: нежная розовая кожа была замазана желтоватой пудрой, толстый слой грима превратил мимические морщинки в тяжелые старческие складки, волосы на висках и на темени были обесцвечены.

Я стал догадываться об уготованной мне роли: Нура призвала меня к своему мертвому телу, чтобы я забрал его и хранил, пока оно не вернется к жизни...

Задача была не из легких. Сарра – законная супруга Авраама, неоспоримая первая женщина племени, боготворимая народом, и евреи непременно воздадут ей погребальные почести по достоинству, и мужчины, и женщины, и дети. Как незаметно выкрасть ее тело, когда сотни людей придут ей поклониться?

Вокруг зашумели; пастух, бегавший сообщить Аврааму печальную новость, крикнул, что вождь уже близко.

А я отправился восвояси. Мне следовало избегать встречи с ним, ведь он-то меня непременно узнает, и к тому же надо было наметить план действий.

Подымаясь по тропинке к своему шатру, я решил, что если не сумею с ходу изобрести нужный маневр, то использую какого-нибудь «посредника», чтобы сработала оригинальная идея. Хоть я и остерегался впадать в излишество, как случилось с моим наставником Тибором, который сделался рабом дурманящих снадобий, я все же подчас прибегал к веществам вроде конопли и опия.

Стоя на вершине горы, я увидел кавалькаду: вдалеке мчалось стадо горных газелей – легконогие и веселые, они все же держали ухо остро, – когда одна из них упала, другие устремились по крутому склону вниз. Я искал взглядом лису, шакала или каракала, загнавшего антилопу, но никого из хищников не увидел. К тому же бедняжка не отбивалась и не шевелилась. Мне стало любопытно, и я осторожно двинулся в ту сторону.

Прелестная светло-коричневая газель лежала на земле недвижно: похоже, у нее остановилось сердце, и ее широко распахнутые, будто подведенные тушью глаза были безжизненны. Я любовался изгибом изящных витых лирообразных рогов, возносившихся над высокими ушами, белизной ее живота и ягодиц, отделенной угольной каймой от каштановой шерстки, покрывавшей бока и спину.

Она лежала бездыханная. Как Нура.

Сегодня погибли два дивных создания.

Как Нура?

Судьба подсказала мне решение: я понял, как нужно действовать.

* * *

Холодная сырость пронизывала до костей.

В полночь я спустился в долину с одним из своих ослов. По счастью, туман приглушал лунный свет и угрюмо сгущал тьму. Поначалу мой спутник брыкался и не желал рисковать, ступая по темной и скользкой тропе, но я был упрямее и заставил его следовать за мной.

Как я и предполагал, евреи устроили бдение под дубом Шелах. Вокруг гроба вспыхивали оранжевые языки масляных ламп. Я остановился у поворотной давяльни, в нескольких шагах от места, и украдкой привязал там своего товарища.

Уже прошла череда евреев, отдавших своей госпоже последнюю дань. Оставались лишь три группы: несколько служанок чуть в стороне, Авраам с Исааком и помощниками и прислонившиеся к стволу дуба сторожа.

Я спустился в канаву и ползком двинулся вперед. Добравшись до служанок, я прислушался к их болтовне. Хоть их речи были скованы печалью, в них проскальзывали нотки удивления; я понял, что женщины, убивавшие покойницу к похоронам, стали свидетельницами странного явления: мертвое тело их госпожи помолодело.

– Вот чтоб мне лопнуть, у нее гладкая, нежная и упругая кожа.

– Быть не может!

– Наверно, смерть умеет творить такие чудеса.

– Авраам ее видел?

– Да ты что! Только женщинам дозволено видеть неприбранные останки. Бедняга уже весь извелся; показать ему такую Сарру, ведь такую он и любил, он и вовсе свихнется.

– Ну ничего, мы ее хорошенько увернули в полотно. Он не прознает, что с ней приключилось.

Я пополз дальше, мысленно благодаря служанок: их сдержанность была мне на руку.

Когда я подобрался к кружку близких, Авраам был скорбно простерт на земле; но вот он с трудом поднялся на ноги. Он заговорил непривычно глухим голосом – а ведь прежде его тембр был раскатистым и чистым – и объявил сторожам, что они могут заколачивать гроб. С этими словами он махнул на прощание телу, укутанному в покровы, и, понурившись, удалился; за ним последовали Исаак, приближенные и служанки.

Едва они скрылись, я выпрямился и шагнул к сторожам; они было взялись за молотки и гвозди.

– Держите, – сказал я, протягивая им кожаные фляги, – Авраам прислал вам вина. Оно вас согреет и ободрит.

Желая вкусить нектара, приберегаемого для торжеств, они побросали инструмент, схватили фляги и жадно к ним присосались.

Очень скоро один зевнул, едва не вывихнув челюсть, и предложил заколотить гроб попозже; другие поддакнули, тоже зевнули, хлебнули еще по глотку и все разом забылись сном – корень валерианы, подмешанный к вину, действовал безотказно.

Я кинулся к Нуре. Случилось то, чего я опасался и ждал: она уже начинала оживать: покров, движимый легким дыханием, еле заметно подымался и опускался. Я осторожно взял ее на руки и пошел с драгоценной ношей по тропе. Возле давальни я опустил ее на землю, свалил на плечо тяжелый мешок и вернулся к гробу.

Я сложил в гроб останки газели, прибил крышку, всунул молотки в руки сторожам, дабы по пробуждении они не усомнились, что выполнили свою работу.

Вернувшись к Нуре, я распахнул покровы. Окочение прошло, тело обретало былую мягкость и наполнялось теплом, лицо оживало красками. Глаза открылись.

Меня захлестнул прилив нежности.

Она на меня взглянула, попыталась заговорить, поняла, что силы ей отказывают, и улыбнулась.

Я улыбнулся в ответ, поцеловал еще бескровные губы и прошептал:

– Если я тебя поддержу, сможешь усидеть на осле?

Она задумалась, с усилием пошевелилась и подтвердила взмахом ресниц.

Я осторожно усадил ее на осла.

– Ннно!

Мой товарищ больше не упрямился, и мы тронулись в путь; я придерживал Нуру, чтобы ее не слишком раскачивало.

Мало-помалу мы добрались до моего шатра. Едва я опустил измученную Нуру на дерюгу, как она заснула.

* * *

Утром она проснулась румяная и полная сил и сразу объявила:

– Хочу пойти на свои похороны!

Я расхохотался, не пытаясь понять, радуюсь ли я ее голосу, или меня рассмешила ее шутка. Но она насупилась и упрямо повторила:

– Я серьезно: хочу пойти на свои похороны.

– Ну да, ведь на них только тебя будет не хватать.

Она прыснула и всем телом прильнула ко мне. Мы тотчас освоились и обрели нашу безмятежную близость, которой были так долго лишены.

– И ты не скажешь мне спасибо?

– У меня целая вечность, чтобы тебя благодарить, – промурлыкала она. – И кого ты положил в гроб вместо меня?

– Горную газель. Она была так же прекрасна, как и ты.

– Так же? – игриво возмутилась она.

– Почти, – поправился я.

– Ты ее убил?

– Она испустила дух у меня на глазах. Не выдержало сердце. Я принял это как знак судьбы.

Она серьезно кивнула. Я погладил ее волосы и спросил:

– Как ты решилась на смерть?

– Мне помог мой гнев.

– Тебе было страшно?

– Боялась, что мы с тобой не увидимся. Зато мне очень хотелось досадить Аврааму.

Она с ним рассталась, но значило ли это, что она предпочла меня? Я не знал, как выразить свои чувства, и, как обычно, пошел окольным путем:

– Ты решила, что больше не станешь любить его?

– Если бы мы могли разлюбить усилием воли, мы бы никогда не страдали.

Я уточнил:

– Но змея ведь не кусала тебя, так?

– Разумеется. Она мне понадобилась, чтобы оправдать происшествие.

Я помахал медной трубочкой с иглой на конце, которую отыскал в Нуриных одеждах:

– Я выкрал ее, чтобы довершить твою ложь. Ну и отчаянная ты, Нура! Решился бы я на такое? Сомневаюсь.

– Ах, я не только укололась ядом, но для надежности и проглотила его. Ужасная гадость...

– Ты страдала?

– Совсем нет! Я вспомнила папин метод: когда он назначал неприятное снадобье, он добавлял к нему мак. Вот я и растерла цикуту с опийным маком.

Я взглянул на Нуру новыми глазами. Долгие годы я полагал – как и ее отец Тибор, – что она не интересуется ни травами, ни зельями, но со временем обнаружил, что она многое усвоила и при надобности ее память услужливо дает ей подсказку. Она создала безупречно верный рецепт яда, который позднее применялся не одно тысячелетие¹⁰.

¹⁰ В древних Афинах такую смесь официально применяли для умерщвления преступников. Когда суд объявил приговор одному знаменитому осужденному, философу Сократу, тот решил сам принять яд в окружении учеников, и впоследствии его назвали «яд Сократа». Речь идет о зеленых семенах болиголова крапчатого, к которому добавляли опиум. Действие первого уравновешивается влиянием второго: цикута провоцирует сильные спазмы, а опиум снижает осознание происходящего и уменьшает судороги. Платона обвиняли в том, что он приукрасил (облагородил) агонию своего учителя, но он не преувеличивает, называя кончину Сократа мирной: «Сократ сперва ходил, потом сказал, что ноги тяжелеют, и лег на спину: так велел тот человек. Когда Сократ лег, он ощущал ему ступни и голени и немного погодя – еще раз. Потом сильно стиснул ему ступню и спросил, чувствует ли он. Сократ отвечал, что нет. После этого он снова ощущал ему голени и, понемногу ведя руку вверх, показывал нам, как тело стынет и коченеет. Наконец прикоснулся в последний раз и сказал, что, когда холод подступит к сердцу, он отойдет. Холод добрался уже до живота, и тут Сократ раскрылся – он лежал, закутавшись, – и сказал (это были его последние слова): „Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте“. – „Непременно, – отозвался Критон. – Не хочешь ли еще что-нибудь сказать?“ Но на этот вопрос ответа уже не было» (перев. С. Маркиша). Позднее, в I веке до н. э., царь Митридат VI научился защищаться от этого яда странным методом: он принимал его понемногу каждый день. Этот юноша видел, как отец отравил его мать, его собственную жизнь сопровождали подозрительные неприятности, и у него были все основания быть начеку. Он отравлял себя малыми дозами яда, чтобы стать невосприимчивым к большим. Его тактика легла в основу выработки «митридатизма»: введения малыми дозами токсичных веществ для выработки к ним иммунитета. Я не думаю, что этот метод так уж хорош: если Митридат, достигнув зрелых лет, оказался в безвыходном положении, ему

– Как выглядел Авраам? – спросила Нура.

– Был очень удручен. Я не узнал его голоса.

– Вот и отлично! Хочу увидеть, как он плачет. Вернее: как он оплакивает меня.

Она развеселилась. Я этим воспользовался, чтобы задать мучивший меня вопрос:

– Почему ты не упоминаешь о Хеттуре?

– О ком? – нахохлившись, буркнула Нура.

– О Хеттуре.

– Ты ее видел?

– Нет. Твоя служанка возмущалась ее поведением. Но почему ты не говоришь о ней ни слова?

– Зачем говорить о ничтожестве? – проворчала она. – Давай-ка переоденемся. Я в самом деле не хочу пропустить свое погребение. Интересно, осмелится ли она туда сунуться...

– Кто?

– Та, о которой мы не говорим.

Вся равнина была взбудоражена. И кочевников-евреев, и местных жителей выбило из колеи событие, порвавшее цепь здешних обычаев: Авраам вознамерился предать тело супруги земле и теперь торговался насчет участка. Неслыханное дело! Кочевники не признавали собственности, будь она частная или общественная, что объяснялось их вечными перемещениями; и вот Авраам этот закон поправил. У багроволицего фермера-свиновода, слегка похожего на своих подопечных, он хотел купить луговину с гротом, в котором собирался схоронить останки Сарры. Тронутый скорбью Авраама, свиновод предложил ему использовать пещеру даром.

– Между нами и речи нет о деньгах, Авраам. Похорони ее с миром.

– Я настаиваю, Ефрон. Я пришлый, хоть и жил среди вас.

– Предлагаю тебе свое поле. Воспользуйся им.

– Но я хочу его выкупить. Во сколько ты оцениваешь это поле с деревьями?

Упрямый Авраам переубедил фермера и выкупил участок. Авраам – владелец земли! Авраам – собственник!¹¹

Началась прощальная церемония. Четверо пастухов несли на плечах задрапированный гроб; они опустили его на землю перед пещерой. Все выстроились, пропели псалмы и прочли молитвы, затем Исаак начал похвальную речь той, кого считал своей матерью.

Авраам стоял в окружении помощников; он слушал, с трудом удерживая рыдания, потом уступал им и снова боролся с отчаянием; он был сражен горем. Ни гордость, ни сознание своего долга перед народом не помогли ему овладеть собой.

Мы с Нурой затерялись в толпе местных жителей, чтобы нас не узнали. Бледная Нура, укрывшись с ног до головы, не сводила с Авраама глаз, желая ощутить глубину его скорби; что касается почестей, воздаваемых им супруге, никаких сомнений не оставалось. Я чувствовал, что Нура, удрученная горем вдовца, готова броситься к нему с криком, что она жива. И потому крепко стискивал ее руку.

Во время речи Исаака я заметил в стороне от толпы евреев женщину, смотревшую на Авраама столь же пристально, как и Нура. Я пригляделся к ней и подумал, что мне мерещится.

– Но...

не удалось покончить жизнь при помощи яда и пришлось прибегнуть к холодному оружию, то лишь потому, что самому ему оказалось яда недостаточно, после того как он поделился им с двумя дочерьми. Но я полагаю, что «митридатизм» сродни современной десенсибилизации: скажем, аллергию лечат, приучая организм справляться с данным аллергеном – пчелиным, осиным, муравьиным ядом. Этот метод не имеет ничего общего с вакцинацией, которая защищает организм, стимулируя иммунную систему к выработке антител.

¹¹ Почему Авраам так упорствовал? Обычно пастухи закапывали своих покойников и двигались дальше; если они возвращались, то не находили следов захоронений, которые были недолговечны. Но страсть Авраама к Сарре отвергала такую эфемерность. Без собственности нет долговечной памяти. Евреям это казалось странным и даже возмутительным; но и оседлым людям тоже: участок земли они приобретали, чтобы жить на нем и жить им, но не для захоронений.

Нура вздрогнула, глянула на меня, проследила за моим взглядом и усмехнулась:

– Ну да!

– Это?..

– Хеттура.

В той, которую именовали Хеттурой, я узнал Агарь, бывшую служанку Сарры: ту, которую Сарра дала Аврааму, чтобы он стал отцом; ту, что девять месяцев спустя произвела на свет Изаиала; ту, что затем была безжалостно изгнана Саррой.

Смуглая бронзоволикая Агарь с косами, украшенными ракушками, была все так же великолепна, если не больше. С годами она ничуть не отяжелела, но расцвела пуще прежнего. Личико пай-девочки обратилось в лицо прекрасной женщины, в нем проявились точность, тонкость и нрав, будто в юности ему отводилась лишь роль наброска. Ее формы сохранили былое благородство, к которому добавилась пленительность, уверенность и властность, принадлежащие лишь зрелости. Величественность и чувственность Агари поразили меня. Я не проронил ни слова, вспоминая о наших пылких объятиях.

Справа от нее переминался с ноги на ногу сухопарый тип с оливковой кожей; я признал в нем Изаиала, их с Авраамом сына.

Нура шепнула мне на ухо:

– Она здесь осела десять лет назад. Изаил занимается виноделием. В прошлом году, когда Авраам заметил ее, он остановил тут свой народ. И каждый день ходил к ней. Его страсть к ней вернулась... Из-за него мы и застряли в Мамре на долгие месяцы.

Она проворчала:

– Агарь по-прежнему влюблена в Авраама. До сих пор. Никого другого и не любила.

Последние слова были сказаны мне неспроста: Нура помнила, что некогда Агарь пыталась в моих объятиях забыть Авраама.

– Его страсть вернулась? – пожал плечами я. – Но Авраам никогда не стремился к Агари. Это ты толкнула его к ней, он послушался тебя и блудил с ней, чтобы у него появился наследник.

– Казалось, он не стремился к ней. Но кто скажет наверняка? Некоторые от нее были без ума.

Опять камушек в мой огород? Она сердито буркнула:

– Так почему бы и не Авраам?

– Он изгнал ее.

– По моему требованию! Только по моему требованию... Может, спровадить ее было для него более тяжким испытанием, чем я воображала. Она великолепно созрела! Мне, бедной дурочке, приходилось старить себя и уродовать; она же молодилась и наводила красоту. Я считала зрелость упадком, она же сделала ее достоинством. Признаю, что тут она оказалась хитрее меня.

Сглотнув, она добавила:

– У нее оружие обычной женщины, но она владеет им блестяще.

Она стиснула мне руку.

– Ну, я довольна: я заставила ее увидеть отчаяние Авраама! Надеюсь, это зрелище покорежит ей потроха. Каждой свой черед!

Евреи затянули песнь, в которой повторялось имя Сарры. Благодаря монотонной музыке и заунывным голосам на собравшихся сошло умиротворение; выпевая «Сар-ра», каждый по-своему с ней прощался; Авраам поначалу невнятно бормотал себе в бороду, но теперь его голос окреп, обрел былую мощь, бронзу, насыщенность и мужественность, отдаваясь в недрах его широкой груди. Нура вонзила мне в руку ноготки, чтобы не рухнуть, и тут же метнула любопытный взгляд в сторону Агари.

– Нет, хныкать она все же не собирается!

– Она обожала тебя, когда была у тебя в услужении.
– Не называй покорность любовью. Я запретила ей меня любить. Вспомни, как эта шлюха убедила Авраама, что Исаак рожден не мной.
– Что было правдой.
– Она не имела права этого говорить!
– Ты изгнала ее с маленьким сыном! Она отомстила, это естественно. И твой подлог был чудовищным!
Она озадаченно посмотрела на меня: ей никогда не приходило в голову, что она могла быть причиной несчастья.
– Во всяком случае, я оставляю ей Авраама!
Пение прекратилось. Авраам шагнул к деревянному гробу, встал на колени, приник лбом к доскам и простонал:
– Прости, госпожа моя, прости.
Нура едва стояла на ногах. Ее потрясло раскаяние Авраама.
Теперь к гробу склонился Исаак, он тоже повторял слова раскаяния:
– Прости, мама, прости.
Нура отвернулась, на глазах ее блеснули слезы. Покусывая губы, она проворчала с вымученной фальшью:
– Очень смешно говорить это газели...
Затем Авраам и Исаак выпрямились, схватили свои накидки и выразили скорбь, разодрав их у сердца¹².
– Пойдем, – шепнула Нура.
Мы тихонько попятились и оставили наблюдательный пункт.
Прошло не меньше часа, прежде чем мы смогли вымолвить слово. Нура пробормотала:
– Как упрекать их в чем бы то ни было? Я понимаю, что Агарь влюблена в Авраама, и не буду ее осуждать, ведь я испытала к нему такое же непреодолимое влечение. Я понимаю, что Авраам любит и Сарру, и Агарь, ведь и я люблю двоих, тебя и его.
– Так ты их прощаешь?
– Если я не сумею простить их в день моего погребения, то когда же мне это удастся? – обронила она с утрированным лукавством¹³.

* * *

Три месяца спустя на берегу Соленого моря, на нашем ложе среди кипарисов, мы всю ночь предавались любви; поутру Нура проснулась у меня на груди и спросила:
– Тебе понравились мои похороны?
– Я счастлив, что мы побывали на них вместе.
– Как я могла так долго оставаться без нашей близости?
– Я задаю себе тот же вопрос.

¹² Этот жест, Qeri'ah, стал ритуальным. Семеро близких покойного в знак траура раздирают свои одежды у сердца, перед опущением гроба в землю, и хранят их семь дней, прежде чем выбросить. Позднее, из соображений экономии, евреи заменили одежду, приносимую в жертву, черной лентой на груди.

¹³ Если Нура и простила Авраама с Агарью, то было прощение умышленное, данное только разумом. Сердцем она еще не простила их и душевного прощения, внутреннего мира и покоя не ощутила; она по-прежнему кипела гневом. Доказательство тому я получил несколько веков спустя, когда ей вздумалось заглянуть в Библию. Читая Бытие, она обнаружила, что после ее смерти Авраам не только женился на Агари, назвавшейся Хеттурой, но и имел от нее шестерых сыновей: Зимрана, Иокшана, Медана, Мадяна, Ишбака и Шуаха. Она так разбушевлась, что я едва удержал ее от поездки в Палестину, в Хеврон: ей хотелось разорить грот, ставший усыпальницей Патриархов. Конечно, Хеттуры там не было; конечно, Авраам велел положить себя рядом с Саррой; конечно, монументальные работы Ирода Великого укрепили гробницу, Махпелу, упрятав его под каменной кладкой; но отчаяние Нуры искало выход. Любовь и горячность у нее – родные сестры.

– Мои похороны кое-что мне открыли. Авраам страдал и просил прощения у антилопьего окорока, а я не вмешалась; отныне он каждое утро приходит к моей мнимой могиле, а я провожу весну в твоих объятиях. Мы с тобой втянулись в круг простых смертных, и нам приходится прибегать ко лжи, жульничеству и погребальному подлогу. Мы обречены на мошенничество.

– Конечно...

– И это означает, что на нас наложена еще одна санкция.

– Какая же?

– Мы обречены любить друг друга. Мы с тобой.

– Я согласен с приговором, Нура.

– Вот наказание! Но к счастью, Ноам, ты мне не противен.

– Всего лишь?

– Давай уйдем, Ноам. Теперь мы наконец вдвоем. Здесь евреи, караванщики и торговцы могут нас узнать. Пора покончить с Авраамом¹⁴.

Она решительно добавила:

– Я хочу жить не таясь.

– И я мечтаю лишь об этом.

– Мне говорили о божественной реке, она простирается очень далеко, на западе. Никто не знает ее истоков, но она так сильна, что пересекает пустыни, не оскудевая, а летом, когда ручьи и другие реки иссыхают, она разливается и выходит из берегов, потом возвращается в свое русло, оставляя после себя илистые земли, их называют Черной землей. Бог этой реки наделен чудесной властью: говорят, он превращает песок в плодородную почву, камни – в финиковые пальмы, сикоморы и акации, воду – в вино, ведь, когда вода спадет, виноградники тяжелеют

¹⁴ Можно ли встретить одного и того же человека в разные века? Свидетельствую, что да. За несколько тысяч лет такие встречи случались у меня не раз. Так, в Лионе, в 1871 году я столкнулся с Авраамом. Несколько месяцев кряду город сотрясали бунты, народ восстал против властей. Поначалу выступления были мирными, затем они переросли в яростные мятежи. После вмешательства вооруженных сил конфликт стал кровавым. Каждый желал смерти противнику: бедные требовали смертной казни для богатых, богатые – уничтожения бедных. Кучка повстанцев захватила ратушу на площади Терро и провозгласила мировую революцию. Лион превратился в мировую столицу социализма. В этом городе на двух холмах я был проездом, направляясь в Марсель; тем временем дело приняло дурной оборот. И местная власть немало тому поспособствовала. В темном вонючем туалете одного бистро я увидел странного человека: он гримировался. Он отрезал несколько завитков своей густой гривы, те упали в раковину, и стал примерять перед зеркалом круглые очки с синими стеклами. Я носил похожие очки, чтобы остаться неузнанным; волосы мои были выкрашены. По этим признакам он угадал, что я скрываюсь. «Ты прячешься, друг?» Я кивнул. «От кого?» – «От женщины, которая может меня узнать». – «Вот счастливец!» Это сообщничество мигом установило между нами братские отношения, мы выбрались из забегаловки и углубились в проходные дворы: их сеть пронизывала старый город и позволяла безопасно двигаться по кварталам, не высываясь на улицы, которые патрулировали солдаты и жандармы. Мы нашли прибежище на постоялом дворе близ городских ворот. Изгнанник, голодный и без гроша в кармане, жадно набросился на предложенную пищу и непрерывно говорил. Глядя на него и слушая его рассказ, я невольно вспоминал вождя евреев. Как и у Авраама, у этого человека была мощная стать, горящие глаза, широкий лоб, борода, усы и густая грива. Как и рядом с Авраамом, рядом с ним всякий казался рохлей. Как и Авраам, мой случайный товарищ многие годы бродил. Как и Авраам, он выступал против собственности и хотел упразднить наследственное право. Как и Авраам, деревню он предпочитал городу и сельских жителей – горожанам. Как и Авраам, он клеймил Город. В Государстве он видел лишь призванную защищать привилегии систему доминирования, переходный институт, временную форму общественного устройства: Государство не устанавливает порядка, благоприятного для всех, но поддерживает его видимость, утверждаемую меньшинством, которое использует себе во благо неосведомленное большинство народа; Государство губит ум и душу человека; и можно ли ожидать, что оно вдруг сделается добрым и справедливым, если оно упорно закабаляет массы и порождает их разложение. Но вскоре я увидел и различия. Он был грузным, тогда как Авраам – жилистым. Он был Авраамом гневным, неумолимым и неуголимым: он жаждал разрушения; реформы его не устраивали; он требовал революции, а инструментом ее полагал насилие. «Надо было не занимать ратушу, а поджечь. Предать огню все, что воплощает Государство и Капитал: трибуналы, казармы, банки и тюрьмы. Надо атаковать не людей, а символы и позиции». Наконец за десертом, после трех кувшинов вина, мой сотрапезник представился: он из России, знает философию, пять языков и взрывчатые вещества; зовут его Мишель Бакунин. Стоя на крайних рубежах радикализма, он называл себя врагом Карла Маркса и банкиров Ротшильдов, коммунизма и капитализма. Он был поборником анархизма. Расстались мы на следующий день; он направлялся в Швейцарию, что при таких убеждениях было весьма странным. Я так и не сказал этому великану с манерами конспиратора и темпераментом террориста, что он напомнил мне Авраама. Помимо Государства и Капитала, Бакунин ненавидел Бога. Сказав ему, что он похож на основоположника трех монотеистических религий, я нанес бы этому воинствующему атеисту тяжкое оскорбление.

тучными гроздьями. Так давай же отыщем этого сказочного бога, Ноам, синего бога, озеленяющего все вокруг, бога по имени Хапи, который повелевает рыбами и руководит ласточками. Согласен? Если он явит нам свою милость, мы будем подле него любить друг друга без утайки. Так мы отправились на поиски Нила...

3

Нил был оазисом.

Оазисом до горизонта. Бескрайним оазисом в бескрайней пустыне...

Никогда я прежде не говорил себе, очутившись в новом месте: «Вот тут-то я и буду жить!» Но когда после раскаленных дюн и каменных россыпей мы с Нурой дошли до заболоченных земель, предвестников Нила, мы решили отдохнуть. На нас уставилась гигантская птица, одинокая, величественная, пепельно-серая; казалось, в ней соединились несколько видов: клюв пеликана, глаз орла, хохолок синицы и лапы розового фламинго. Она взирала на нас так недвижно, что мы готовы были принять ее за сухое дерево без веток; но вот она неторопливо отвернулась, давая понять, что позволяет нам продолжить путь¹⁵. Потом, когда мы, топчя желтоватый земляной миндаль, приближались к берегам Нила, нас привлекли другие птицы, бродившие по лужам среди голубых лотосов: то были ибисы, неутомимые часовые Нила, и каждого из них сопровождало его отражение. Они шагали на своих ходулях, укутавшись в белейший наряд, из которого выглядывали черная гузка и столь же черная голова, оснащенная великолепным серповидным клювом; они нас изучали, и вдруг, послушные таинственному приказу, все разом взлетали, оставляя за нами право двигаться дальше. Когда мы пробирались по шелестевшей пальмовой роще, к нам, поскуливая, подскочила кошечка; эта неудержимая болтушка в полосатой шубке, задрав хвост трубой, усердно терлась о наши щиколотки, не давая проходу. Я очень хорошо ее запомнил, потому что это была моя первая встреча с кошкой. И я тотчас догадался, с кем этот зверь состоит в родстве: зеленая радужка, пронизанная золотыми нитями, треугольная физиономия, кокетство, грация и мягкость, готовая обернуться раздражением, – да, передо мной разгуливала четвероногая Нура. Она непрерывно ластилась, мяукала, обмахивала хвостом наши ноги и приветствовала нас от имени здешних богов. Мы приободрились, уверенно двинулись дальше и вскоре вышли к реке – широкой, спокойной, неутомимой и уверенной в себе.

Мы долго оглядывали берега; в легких порывах ветра, доносившегося с барханов, на питавшем почву жирном гумусе мальчишки играли в догонялки.

Вечер щедро залил горизонт медью; сумерки были едва ли не роскошнее дня. А когда небесный купол украсился звездами, Нура стиснула мне руку и прошептала:

– Это он, Ноам?

– Это он!

* * *

На пути к Нилу мы столкнулись с множеством трудностей.

Прежде всего, нелегко было тронуться с места. Даром что Нура десятилетиями кочевала, она скопила кучу баракла: ее гардероб в давнишние времена, когда они с отцом впервые вошли к нам в деревню, умещался на нескольких ослах, он не полегчал и при Аврааме, тем более что

¹⁵ Это был нильский китоглав, гигантский представитель аистообразных, высотой метр двадцать, размахом крыльев – два метра, с похожим на башмак клювом, который бывает больше головы. Хищный властелин болот, он питается рыбой, амфибиями, грызунами, птенцами, выпавшими из гнезд, устроенных в соцветиях папируса, и даже молодыми крокодилами. Несмотря на свое заносчивое превосходство, в день написания этих строк птица находится на грани вымирания.

к нему добавились бесчисленные подарки, полученные Нурой во время празднеств, которые она возглавляла.

Но как она умудрилась заполучить вещи, которые Авраам передал Агари, ведь Сарре полагалось лежать в гробу?

– Я же не собираюсь оставлять их толстухе!

Нура упрямо именовала свою извечную соперницу столь неуместным прозвищем, которое лишь ее и забавляло. Неделю спустя после похорон она наняла разбойников, которым надлежало ограбить Агарь.

– Во всяком случае, я не лишаю ее ничего. Толстуха такая необъятная, что не сможет натянуть ни одно из моих платьев – разве что внакидку. Ну а украшения... мои бусы удушат ее, мои кольца раздавят ей пальцы. Нет, я преувеличиваю: если она поднатужится, то сможет натянуть на мизинец мой браслет...

Я в отчаянии обвел руками бесчисленные тюки с одеждой, талисманами, украшениями и посудой.

– Мы пойдем по разоренным безводным землям, с двумя ослими, которых нам предстоит поить и не слишком нагружать, чтобы они не рухнули.

Я ждал отказа, пререканий, ссоры и торговли, которая затянется на месяц. Но Нура всегда была непредсказуема; чуть подумав, она просто ответила:

– Согласна.

Неделю она посвятила визитам в дома, расположенные вокруг Соленого моря. Она раздавала свои вещи деликатно и приветливо и однажды вечером подошла ко мне с тремя крошечными котомками:

– Ну вот и все!

– Поздравляю, Нура.

– Ты занимался тем же?

– Да.

– И я тебя поздравляю. Знаешь, мне приятно уходить налегке. Это чувство я уже испытала в могиле.

– Что?

– Очнувшись в гробу, под пеленами я была нага, и это меня восхитило. Мне открылось, что главное – быть живой. Нагой я родилась. Нагой умерла. Нагой возрождаюсь.

– Я тебе это напомним, когда ты снова потребуешь безделушек.

– Отличная мысль, ведь я наверняка забуду! – воскликнула она.

Наконец мы отправились. Я с сожалением покидал это обширное озеро, где мы провели наш третий медовый месяц. Окрестности его были так же бедны растительностью, как воды его – рыбой, но я любил его царственную неподвижность, песчаные берега, окаймленные солью, ленивый шепот вод, странные оттенки которых меня завораживали, изумрудные в полдень, бледно-алые на закате, жемчужные или серо-зеленые на заре.

Мы двигались в сопровождении двух осликов, тощих, облезлых и измученных жаждой. Помимо наших пожиток они везли соль – нашу валюту на будущее.

Во времена, когда случайные встречи заменяли карту местности, а расстояния измерялись длительностью переходов, путнику приходилось полагаться на слова незнакомца.

– Ближайший колодец? В пяти днях пути! – буркнул старик с лицом, иссеченным морщинами, и его узловатая рука махнула в неопределенном направлении; он пропальывал скудное поле.

Можно ли ему верить? Если не ему, то кому? Нура не доверяла существам, вид которых ее отталкивал. Из беззубого рта может исходить только глупость, полагала она, от уродца – лишь бессмыслица. К неказистым, несчастным и больным Нура относилась настороженно и осуждала мою доверчивость:

– Ноам, не слушай эту уродину! – возмущалась она, когда я обратился к бедной женщине с иссохшими ногами, которая ползла по галечнику, как краб.

Был ли у нас выбор? Эту скудную землю населяли немногие. На одного бодрого весельчака приходилось десятки рахитичных детей, скрюченных стариков, страдальческих лиц и обсиженных мухами глаз. Нура была уверена, что нищоброды нарочно порют чепуху, чтобы нам насолить.

– Нура, но почему ты считаешь, что молодость и красота честнее? – спросил я у нее однажды поутру.

Она пожалала плечами, раздраженная, что я ее уличил в предвзятости суждений, но назавтра снова усомнилась в моей правоте.

Однако собранные по крупице сведения оказывались более-менее достоверными. Мы недооценивали солидарность тех, кто отваживается жить в неблагоприятной среде; дело не в том, что в пустыне или в открытом море люди перед лицом опасности развивают в себе лучшие человеческие качества: просто они знают, что щедрость здесь спасает жизнь, а спасение порой зависит от нескольких слов. В основе солидарности лежит вовсе не доброта, а здравый смысл.

Полгода мы брели от оазиса к оазису; одни были бедны – пруд и колодец, – другие великолепны: финиковые пальмы щекотали небо и давали целебную тень гранатовым деревьям и сикоморам, а на земле фермеры выращивали пажитник, овощи, земляной орех, ячмень, и их напевы сливались с бляньем коз, чириканьем пустынных воробьев и комариным звоном¹⁶.

Поначалу мы задерживались только для ночевки, но со временем стали продлевать наши остановки, объясняя их резонными доводами – «У меня ноги стерты в кровь», «Ослы падают от усталости», «Давай поджарим мяса», «Нас никто не ждет», – которые скрывали истинную причину: мы стосковались по общению с людьми. Оазисы влекли нас не только внезапной щедростью, обилием воды, растительности, пищи – козье молоко и голубиные яйца, – то были и форумы, где шел интенсивный обмен не только товарами, но и идеями. Здесь роилась культура, с течением веков превращая оазисы в подлинные интеллектуальные центры. Караваны и одиночные путники останавливались в оазисе, усаживались вокруг жаровни, жуя мяту, и пестрое сборище пело, плясало и чесало языком далеко за полночь. Уроженцы Нила делились не только маисом, фасолью и ножами, но и страшными легендами о боге-крокодиле и богине-бегемотихе. Люди Великого моря¹⁷, располагавшие сушеной бараниной и теплыми одеялами, вспоминали о страшных бурях и божилась, что есть на свете чудище с четырьмя бесконечными лапами, и оно наполняет водою горб у себя на спине¹⁸. Были и такие, кто пришел ниоткуда, то есть с бесплодных земель, из унылых, выжженных солнцем краев, которые они сызмальства покинули и стали бродягами; этих мы узнавали по звездной науке, перенятой у отцов и позволявшей им без опаски шагать, глядя в небеса. Чернокожие доставляли с юга золото и ценные кожи, эти люди живописали нам сказочных животных, обитавших в их саванне, и в доказательство размахивали слоновьими бивнями, которыми торговали; они говорили о необычных демонах, о магических практиках, об экзотических снадобьях; я к ним жадно прислушивался, а Нура не сводила с них глаз, завороженная их высоким ростом, широкими плечами, мускулистыми бедрами и контрастом между эбеновой кожей, белейшими зубами и нежно-розовым языком.

¹⁶ Пустыня – это песчаный океан, так, значит, оазисы – его острова? Вовсе не так! Если на остров тебя выносит случайная буря, течения и волны, то к оазису ведет лишь дорога. Если остров затерян в океане, то оазис возникает как узел сети. К нему сбегаются тропы, потому что вода, тень и фрукты притягивают измученных жаждой странников. Но и сам оазис – детище троп, ведь его обитатели, растения и скот прибыли сюда с караванами. То есть и дорога порождает оазис, и оазис порождает дорогу. Он не изолирован и не самодостаточен и, стоя на пересечении путей, дает приют и располагает запасами. Этот неподвижный узел, завися от тысяч мимолетных встреч и делая их возможными, больше похож на порт, чем на остров.

¹⁷ Ливийцы.

¹⁸ Дромадера еще не одомашнили. Это произойдет лишь в 2000 году до н. э. на Аравийском полуострове.

– Нура! – не удержался я как-то вечером от упрёка. – Ты прямо как девчонка... будто впервые увидела самца.

– Именно! Изменив окраску, они создали новую породу мужчин. Тебе повезло: я в тебя влюбилась до того, как встретила черного Ноама.

Жители пальмовых рощ считали, что живут в центре вселенной. Они смотрели на пустыню свысока, как на место небытия, бесплодное и бесприютное, страну собак и одиночества, они не испытывали ни малейшей тяги к этому пространству с единственным изменением: пустотой¹⁹.

– Мы ошиблись, Ноам. Мы так стремились к Нилу, что он нас разочарует.

Нура решила сформулировать то, чего я в глубине души боялся. По мере того как мы приближались к цели, мы все больше сомневались, что наш выбор оправдан.

– Ноам, зачем нам привязываться к какому-то месту? Мне хорошо там, где рядом ты.

Я соглашался с ней и подозревал, что с выбором мечты мы оплошали.

Но когда, избежав нескольких встреч с дозорными, бороздившими пустыню, мы вышли наконец к Нилу, нас сразила безусловная очевидность, и мы невольно прошептали:

– Это он!²⁰

* * *

Из пустыни мы вынесли два урока: нужно отказаться от одиночества и не бояться водных просторов. И потому решили искать поселение на берегу реки.

До сих пор для нас жизнь вдвоем означала уединение. Впервые Нура сошлась со мной, бежав из нашей деревни; тогда мы вели тайную жизнь в лесу, и единственным нашим товарищем был мой дядюшка Барак. В нашу вторую встречу, после того как Нура выходила меня в лесной пещере и я возродился, мы прожили у водопада счастливые, поистине райские дни, разгуливая нагими в полном уединении. Супружеской парой среди людей мы были только во время катастрофы, когда потоки воды разрушили наш мир и обрекли нас на скитания вместе с другими уцелевшими на нашем многострадальном ковчеге, когда нам сопутствовали слезы, ужас и долг по отношению к нашим несчастным попутчикам.

Оазисы излечили нас от боязни людей, а пустыня – от ужаса перед разгулом волн, укоролившегося во время Потопа. Намыкавшись по засушливым барханам и настрадавшись от жажды, мы забыли о своем недоверии к воде, к ее изобилию; теперь мы боялись ее недостатка. Смогли бы мы полюбить берега Нила, если б не скитались по каменным россыпям и песчаным холмам, не натерпелись страха перед гиенами, притаившимися за выступом скал, не нагледелись на побелевшие скелеты? Смогли бы спокойно взирать на захватывающие летние разливы реки? Не думаю.

¹⁹ Позднее я узнал, что видеть пустыню, когда испытываешь жажду, значит не видеть ничего; я открыл ее соблазн, ее духовную энергию, ее ослепительную тишину, замешанную на тайной музыке. Сегодня мы лишь движемся от оазиса к оазису по унылым просторам. Как жаль, что ты вечно стремишься куда-то прийти! Цель обесценивает путь. Надо идти не куда-либо, а просто идти.

²⁰ Тогда мы не знали о великом терпении Нила. Мы думали, что он был всегда. Мы не подозревали, что это чудо жизни, этот зеленый змей посреди бескрайних и мертвых пустынь появлялся на планете постепенно, что он тридцать миллионов лет неумолимо пробивал свое русло, спускаясь с высоких африканских плато, протекая по гранитным глыбам и раздвигая их, выглаживая и шлифуя, а затем принося каждое лето ил, обеспечивавший плодородие земель Египта. Человечество долго не ведало о происхождении и эволюции загадочного Нила. Происхождение? Для древних египтян он символически начинался с первого водопада, отсюда, где находится святилище Хнума; выше Нил связывался с именем Нуна, воплощавшего изначальную водную стихию; лишь в XIX веке удалось подняться к истокам Нила и выяснить, что он возникает при слиянии Белого Нила, текущего из озера Виктория на экваторе, и Голубого Нила, берущего начало в озере Тана в Эфиопии. Эволюция? XX век определил ее этапы. В представлении древних народов география не имела истории. Мы понимали лишь длительность человеческой жизни, не подозревая о длительности геологической. В этой древней реке мы видели только свежую, юную и живую воду. Но геология наделила географию толщей времен.

Если уж мы подвластны капризам богов, лучше терпеть избыток воды, чем ее исчезновение.

После многих блужданий, минуя угрюмые берега, утыканные хилыми пальмами, мы наконец выбрали живой, изобильный, густолиственный участок, заросший тростником, небесно-голубыми лотосами, пурпурными водяными лилиями, где гранатовые деревья, сикоморы и тамариски наперебой хвалились своими цветами, плодами и оттенками зелени. Повсюду порхали птицы, копошились насекомые. Здесь были разбросаны десятка три домов, в отдалении друг от друга. Поначалу мы удивились, обнаружив, что они выстроены из кирпича – в то время строили деревянные или глинобитные²¹ жилища, – но оценили выбор этого материала позже, только в разгар лета, во время половодья: кирпичные стены перед натиском воды устояли, а деревянным и глинобитным его было бы не выдержать. А разброс домов – в знакомых нам деревнях дома тесно жались друг к другу – объяснялся нерегулярностью разливов, которые год от года достигали разной высоты; и если какой-то из домов оказывался затопленным, его жители могли найти приют в другом.

Благодаря моему искусству целителя местные жители согласились принять нас в свое сообщество. Мы с Нурой были им полезны, что нам помогло завоевать их расположение.

Мужчинам я открыл то, что освоил в Стране Кротких вод: колодезный журавль и письменность.

Журавль? Я немало пожил среди тех, кто укротил Тигр и Евфрат, и теперь усовершенствовал этот механизм для подъема воды. Шест с ведром на конце был укреплен на вершине столба, врытого в землю. Шест наклоняли, чтобы зачерпнуть воды из реки, подымали, вращали относительно столба и выливали воду либо сбоку, либо сзади: в устроенный повыше водоем. Эта процедура позволяла в безводные сезоны – особенно в сияющую зимнюю сушь – орошать поля с помощью каналов. Люди освоили орошение, затем стали сопровождать эту работу пением, медленной мелодией из трех нот, ясной и умиротворяющей, днями напролет висевшей в безоблачном небе.

А письменность они придумали и без меня. Кто-то уже схематично рисовал продукты питания для составления учетного перечня. Я предложил им наряду со знаками-предметами ввести знаки-звуки, которые отсылали бы к звучанию слова, – без смешения идеограмм и вокабул письменность сумеет выразить лишь немногое.

И наконец, нашу задачу упростило одно растение, в изобилии росшее по берегам Нила; оно навсегда расширит границы сознания, откроет новое будущее, ускорит развитие культуры.

Этому изящному нефритово-зеленому тростнику, растущему кустами или сплошными зарослями, удалось совершить неслыханный подвиг; внешним видом он соединял небо, воду и землю – небо, потому что вершина устремленного вверх стебля увенчивалась звездообразной розеткой листьев, подобной солнцу с его лучами; воду, потому что его стебель фонтаном взлетал из воды; землю, потому что его корни крепко цеплялись за почву, прочные корни, из которых мастерили кухонную утварь. Его считали очень умным и даже способным путешествовать! И верно, я не раз замечал группу этих тростников, вместе оторвавшихся от почвы и образовавших плавучий остров, они вольно устремлялись покорять новые земли, и не было им дела ни до берегов, ни до животных, ни до людей.

Солнечная душа этого растения, его независимость и быстрый захват территорий вызвали уважение прибрежных жителей, которые считали его священным и старались постичь его богатства. В истории оно сохранилось под именем «папирус».

Они его жевали, высасывая нежный, довольно пресный сок, а волокна выплевывали. Из цельных стеблей строили лодки; из стеблей, расщепленных на тонкие слои, мастерили корзины,

²¹ Если не считать построек в Стране Кротких вод – Месопотамии, – где применялись кирпичи из глины, высушенной на солнце или обожженной в печи.

циновки и сандалии. Исследуя его иные возможности, они изобрели первую «бумагу», гладкую, чистую поверхность, пригодную для рисунков и записей, которая пришла на смену тяжелым и хрупким месопотамским глиняным табличкам.

Изготовление папируса занимало недели. Мужчины выдергивали тростник, срезали листья и корни, затем острым ножом очищали стебель от горькой коры. Потом разрезали нежную мякоть на широкие полосы, гибкие и тонкие, которые еще утончали отбиванием. Затем долго вымачивали, многократно меняя воду, чтобы удалить сахар. Полосы выкладывали на доску, одни горизонтально, другие вертикально, двумя слоями. С помощью звериных шкур и камней конструкцию пригнетали и на несколько дней оставляли сушиться на солнце. После этого этапа, необходимого, чтобы избежать появления плесени, проходились по заготовке валиком из слоновой кости, выравнивая шероховатости и полируя страницу, – но в меру, поскольку на чересчур глянцевого поверхности чернила не оставят следа.

На берегу божественной реки, запасшись этим чудесным папирусом, я просидел многие месяцы напролет с моими новыми друзьями, стариком Экаем и юношей Меми, которым хотелось приручить знаки и овладеть ими.

Светло-серые глаза опаленного солнцем здоровяка Экая так освещали его лицо, что оно, казалось, излучало седую гриву и бороду. Годы выгравировали на его лице улыбку; то, что у других было морщинами, у него стало выражением непреходящей радости. Несмотря на скрючивший тело ревматизм, кисти рук и пальцы сохранили гибкость и позволяли ловко орудовать кисточкой: несколько взмахов, и на буром папирусе возникали женщина, кошка, лотос или ибис; его цветы дрожали от нежного дуновения, а крокодилы и змеи отличались такой живостью, что мы опасались, как бы они нас не куснули. В отличие от художников, встреченных мною позднее, Экай был новатором. Никто до него канонов не устанавливал, и его кисточка сновала легко, свободно и беззаботно: он не повторял, он творил.

Рядом с этим коренастым стариком, чья атлетическая комплекция в те времена могла казаться пугающей, сидел юноша совсем иного телосложения, шестнадцатилетний Меми. Голова коротышки упиралась в массивные плечи, лицо было весьма выразительно; Меми не развился и не вырос, как обычные дети. Однако эти особенности придали ему достоинства, поскольку на берегах Нила карликов считали выдающимися созданиями: редкость была свидетельством драгоценности. Они воплощали не ошибку природы, но говорили о ее силе и изобретательности, то был знак божественного присутствия. Семья Меми пользовалась почетом, сумев произвести на свет столь необыкновенное дитя, вовсе не уродливое, а чудесное, и в благодарность приносила ежегодные пожертвования Бэсу, карликовому божеству, из века в век все более почитаемому²².

²² Египтяне взирали на карликов с восхищением – хоть иногда и путали их с пигмеями – и считали, что те наделены небесными дарами. Карлики занимали важные посты при фараонах и прочих сильных мира сего. Если и была дискриминация, то в хорошем смысле. Так, о Сенебе говорили как о «великом карлике», знаменитом во времена V династии, высокопоставленном чиновнике, удостоенном множеством религиозных, общественных и почетных титулов и похороненном в великолепной усыпальнице близ пирамиды фараона Хуфу в некрополе Гизы. Впоследствии греки стали считать их телосложение патологией – Аристотель даже пытался ввести клиническую классификацию. Более того, греки презирали телесную оболочку карликов, которая не вязалась с их культом анатомического совершенства. При переходе из Египта в Грецию карлики много потеряли: из чудесных и исключительных созданий они превратились в больных уродов. Вообще говоря, история показывает, что карликом лучше было родиться на юге, чем на севере: в Европе их ценили скорее за ловкость при разведке горных коридоров, добывании драгоценных металлов и камней. И вот северные народы прониклись мыслью, что миссия карлика – охранять подземные богатства. Отголоски этих представлений мы находим в сказке о Белоснежке. Греки развили идею нормы, чуждую египтянам. Наблюдая совокупность общих черт индивидуума, они вывели из этой общности среднюю величину, затем из нее сделали норму. Норма – это не просто среднее значение, ей приписываются оценки хорошего, практичного и совершенного. Из средней величины возник образец. Мы и сегодня продолжаем следовать этому шаблону. Пример одной легкоатлетки нулевых годов XXI века показывает, насколько разрушительна греческая идеология. Бегунья Кастер Семени была чемпионкой мира в беге на 800 метров. Победу она завоевала с такой легкостью, что ревнивые раздосадованные конкурентки высказали предположение, что она мужчина. Униженной спортсменке пришлось пройти обследование, которое подтвердило, что морфологически она женщина, но естественный уровень тестостерона у нее в три раза выше, чем в среднем у женщин. Неко-

Если Экай импровизировал, Меми систематизировал. Его мозг обладал свойством – вернее, потребностью – установить надежные ориентиры.

Когда я предложил им отобразить имена всех, с кем мы знакомы, они поняли, насколько они дополняют друг друга. Экай нарисовал карикатуры жителей деревни; все были выразительные, узнаваемые и забавные. Меми возмущился:

– Согласен, можно узнать людей. Но не их имена.

Экай согласился, и Меми быстро усовершенствовал систему, добавив к знакам-словам знаки-звуки, что позволило назвать всех поименно. Его изобретательный ум использовал наилучшим образом летучее воображение Экая, который разрабатывал символы своими быстрыми кисточками; и сегодня, стоит мне вспомнить могучего старика и коротышку, плечом к плечу сидящих по-портновски с досочкой на коленях в смиренной позе писца, и я вижу искусство бок о бок с грамматикой, эту суть египетской души, союз воображения и науки, фантазии и строгости, созидавший поразительную цивилизацию.

Из моей прошлой жизни я принес идею корабля и его применения. Жители Нила использовали не обычный тростник, как бавельцы, а папирус, из которого они сооружали хрупкие челноки с треугольными парусами. Наученный Потопом, я посоветовал им, из-за нехватки дерева, завозить его с северо-востока²³, пуская кедр на корпуса лодок, а сосну – на мачты. Общими усилиями мы построили плоскодонки на несколько гребцов, стали перевозить тяжелые товары и перешли от рыболовства к торговле.

Наше сообщество разрослось. Деревушка стала селом, племя – селянами, а я – старостой. Жили мы просто, больше верой, чем страстями. Я любовался этими спокойными красивыми людьми с чистыми чертами лица; их удлинённые глаза с тяжелыми веками таили мечты, их полные губы не предавались пустословию. Я удивлялся их выносливой силе и неутомимости, которой были наделены отнюдь не великаны, а статные мужчины с широкими плечами и тонкой талией; стройные женщины с тонкими руками носили тяжелые кувшины, оставаясь все такими же беспечно-изящными.

Как ни поразительно, мы с Нурой не скрывали ничего: ни нашей любви, ни нашего возраста. Со сверхъестественным здешние жители поддерживали панибратские отношения, это и было объяснением нашего безрассудства. Бесконечное удивление чудом жизни питало их набожность, и они приносили дары богу Реки, богу-благодетелю Хапи, который внезапно разливался в жаркий сезон и удобрял земли черным илом. Хапи почитали все, но никто не знал наверняка, какого пола это божество: бог это или богиня. Мощь указывала на мужское начало, а плодородие – на женское. Наш Экай не растерялся: он изобразил бога гермафродитом цвета

торые врачи утверждали, что речь идет скорее не об особенности, а о болезни, и спортивные инстанции в 2009 году потребовали, чтобы она химически снизила уровень этого гормона до нормальных значений. Чудовищно! Допинг, улучшающий достижения, считают нарушением, а ухудшающий – обязывают применять! Кастер Семеня подчинилась этому требованию; ее душевное равновесие пошатнулось, выступления стали провальными. К счастью, возник ответный протест, и в 2015 году спортивный арбитражный суд позволил бегунье вновь стать такой, какой ее создала природа. И Кастер Семеня снова обрела силу, радость и победу. Ее история свидетельствует о том, что среднее значение путают с нормой. Среднее устанавливается статистически и говорит лишь о типичном. С какой стати среднее объявлять нормой? Жертва чудовищного насилия, Кастер Семеня была названа ненормальной и больной, и ей пришлось подвергнуться химическому калечению. Живодеи, которым хочется всё выровнять и упростить, отрицают сложность вселенной, бесконечное разнообразие природы, ее эксцентрические выходы. И на стадионе, и на жизненной сцене все разные. Египтяне никогда не встали бы на этот путь. Карлики имели свое место в мироздании и служили доказательством его неисчерпаемого вдохновения; они были посредниками между богами и людьми. В силу физической двойственности они были и взрослыми, и детьми. Они воплощали непрестанное обновление жизни, начало, символ которого – утреннее солнце, наделенное той же двойственностью, ведь на восходе оно и молодое, и старое, как вечность. К тому же силуэт карлика обладал чертами, свойственными священному скарабею, – крупным телом и маленькими скрюченными конечностями, – так что на некоторых надписях именно он изображен вплотную к солнцу. Египтян завораживало отличие. Начиная с греков люди стали его бояться. И теперь, чтобы приручить страх, им не остается ничего, кроме насмешки и евгеники.

²³ Ливан.

речной волны, мужское тело с женской грудью и животом беременной женщины. Примиряющий и оправданный образ оказался разумным решением²⁴.

Мы с Нурой благоденствовали рядом с увядавшими согражданами: время не оставляло печати на наших лицах, но наша немеркнущая юность не возбуждала подозрений, – напротив, она вызывала восхищение. Здесь – я заметил это в связи с маленьким ростом Меми – необычное внушало большее уважение, чем обычное, исключение предпочитали норме. Всякое отличие говорило о божественном, и странностей никто не клеймил. Мы с Нурой никогда и нигде не ощущали так полно своей легитимности, как в эти годы и среди этих людей.

Мы позволили себе единственный маскарад: изменили имена. Едва мы пришли в эти края, Нура не задумываясь предложила, что мы будем называться Изэ и Узер, потому что мы хотели оборвать все связи с нашими прошлыми жизнями, с Нурой и Ноамом, с Саррой и Нарам-Сином. Тем более, что над нами нависала угроза: Дерек. Погребен ли он под многотонными обломками Бавеля? Или успел улизнуть из падавшей Башни? Как бы то ни было, мы знали, что он, как и мы, наделен способностью возрождаться. Даже если он погиб и засыпан кучей щебня, рано или поздно он вернется к жизни. Когда? На всякий случай следовало подстраховаться. Новые имена, Изэ и Узер, казались нам разумной защитой.

Стоит произнести ложь, становится проще ее продолжать, чем опровергнуть... И мы уже не отказывались от этих псевдонимов.

Несмотря на наши пылкие объятия, Нура все никак не беременела. Когда подходил срок, она с замиранием сердца подстерегала месячные. Ее навязчивое желание зачать превращало месяц в безумный марафон, она устремлялась к цели, к вершине – и кубарем скатывалась вниз, когда начиналось кровотечение. Бешеный азарт сменялся отчаянием. Я утешал ее, и мы начинали снова. Но нас изматывало это чередование надежды и безнадежности. Нурина жажда материнства отравляла нам жизнь: в наших скачках было больше тяги к размножению, чем к наслаждению; мы занимались не любовью, а воспроизводством; под видом страсти в нас кипело подвижничество. Постепенно наши дни обесцветились и проходили под вывеской «Как всегда, осечка».

Нередко вечером Нура в моих объятиях шептала:

– Помнишь, что на прощание мне предсказала царица Кубаба: «Ты не родишь, пока прячешься под чужими именами... Маска мешает деторождению, ложь ведет к бесплодию. Ты сможешь зачать, когда снова назовешься Нурой».

Я умолкал, ломая голову: неужели Кубаба сказала правду и мы должны вернуть свои имена? Или наше бесплодие объясняется бессмертием?

Но скоро эти заботы отступили на второй план.

* * *

– Угадай, что я узнала! Ты мой брат.

При виде моей недоверчивой физиономии Нура хмыкнула. Я ошалело смотрел на нее, и она качнула головой:

– Ты мой брат. Так думают все.

Я перестал толочь нагар – соскребенную со стенок печи сажу – и выронил пестик.

– Что за чушь?

– Так сказали девушки, которых я учу ткать. Они мне прямо в глаза объявили, что мы с тобой брат и сестра.

²⁴ Позднее, по политическим мотивам, божество Нила представляли в виде близнецов, так как царская власть стремилась объединить Нижний Египет с Верхним Египтом, но бисексуальный облик сохранился. Один из близнецов увенчан лотосом, символом Верхнего Египта, другой – папирусом, символом Нижнего Египта.

– Но они же знают, что мы спим вместе, разве нет?

– Конечно. Это их ничуть не смущает.

– Уму непостижимо! Но с чего они взяли?

Нура уклончиво вздохнула:

– На этот счет у меня есть идея, но я хочу, чтобы сначала ты провел свое расследование.

Я страшно удивился, но снова взялся за пестик: растертая копоть мне была нужна для приготовления чернил.

Беседуя с горожанами, я стал невзначай выведывать, что они думают насчет нас, и был несказанно удивлен, что Нурины слова подтвердились: все как один полагали, что мы с Нурой – а вернее, Изэ и я – родились в один день от одной матери. Я услышал кое-что и похлеще: Меми уверял меня, что мы с Нурой обожали друг друга еще в материнской утробе и напропалую занимались там любовью. Я ошарашенно пробормотал:

– Откуда ты знаешь?

Он простодушно взглянул на меня:

– Это знают все.

Что за странный ход мыслей привел людей к такому заключению? Когда я пытался докопаться до истины, мои собеседники ласково улыбались и уводили разговор в сторону.

Множественно повторенная ошибка обрывает налетом истины. В подтверждение прозвучало столько слов, что опровергнуть их мне было уже не под силу, и я решил лишь попытаться выяснить, кто же подтолкнул все сообщество к этой дикой мысли.

Но спустя несколько недель я убедился, что мои попытки тщетны.

– Но почему они приписывают нам инцест? – спросил я у Нуры.

Она хмыкнула:

– Из-за верности.

– То есть?

– Ты остаешься верен мне, я остаюсь верна тебе.

– Шутишь?

– Я не обманула тебя ни с одним мужчиной, ты не обманул меня ни с одной женщиной. Такое постоянство на берегах Нила непривычно. Адюльтер присущ всем семейным парам, кроме нашей.

– Нашей здесь... – хмуро уточнил я.

– Но они и знают нас только здесь, – возразила она. – Чтобы объяснить себе нашу исключительную привязанность, они делают из нас больше чем супругов: близнецов. Они приписывают нашу вечную верность этой изначальной особенности: прежде, чем любиться плотски, мы с тобой любили друг друга братски.

– Вовсе нет! Меми утверждает, что мы с тобой всю жизнь любили друг друга уже в материнской утробе.

– О, гениальная мысль! – воскликнула Нура.

Я скривил губы, и она добавила:

– Подумай, Ноам: объяснение нашей особенности позволяет им терпеть нас, а главное – терпеть самих себя. Иначе как на нашем фоне выглядят их собственные жалкие предательства, тайные связи, грязные делишки? Они решили считать нас кровосмесителями, чтобы не признавать легкомысленными себя. Мы мозолим им глаза нашей чудовищной верностью, и они нашли, как обелить свои измены.

Нура произнесла золотые слова. Терпимость жителей Нила была не только достоинством, но и недостатком: снисходя к отклонениям других, они поощряли и поправки к себе. Если на изъязы и увечья – которые в более поздних культурах не приветствовались – здесь водружался ореол избранности, то лишь потому, что обычные отклонения получали от этого выгоду. Отказ жестко провести черту между добром и злом, правдой и ложью давал каждому свободу.

И Узер все так же пылко лелеял свою сестру Изэ. А ее огорчало отсутствие потомства, и она прикладывала массу усилий, чтобы забеременеть.

Тем временем все вокруг нас блекло и старело, медленно, но верно. Даже боги и богини. Говорили, что бог солнца Ра страдает от шума в ушах и забывает слова. Последним летом разлив Нила был недостаточно обильным, и люди жаловались, что Хапи ослаб и выплеснул из своего ложа меньше кувшинов воды для орошения полей. Гениальный художник Экай умер, а убеленный сединой карлик Меми под гнетом лет совсем съежился и из последних сил продолжал разрабатывать знаки.

Мы с Нурой – вернее, мы с Изэ – уже готовились увидеть закат одного поколения и восход нового, когда на пустынных пределах появились чужеземцы и нарушили покой нашего сообщества.

Один из них выделялся. Его звали Сет. Говорили, что он связан с божествами ветров, бурь и смертельной засухи. Этот господин властвовал над племенами, которые бороздили бесплодные земли.

Прибрежные жители упоминали о нем со страхом, как оседлые говорят о кочевниках, а жители оазисов – о пришельцах из пустыни. Пожив среди еврейских пастухов, перегонявших скот с одного пастбища на другое, к кочевникам я относился с приязнью. Да и разве не произошли все мы от охотников и собирателей? Я принадлежал к одной из первых общин, перешедшей от скитаний к оседлости, и не забывал, что мои предки неугомонно рыскали по лесам и своим существованием я обязан их легким ногам, а не только возведенным стенам. И вот я принял посланцев Сета – обувь добротная, одежда плотного льна да шерсти, башка умотана платком, кожа копченая и обветренная, веки сощурены привычкой к слепящему свету.

Я выставил им угощение, и в ходе застолья они уверяли меня в своих мирных намерениях: они хотят передохнуть, утолить жажду и выменять кой-какие вещицы на овощи и фрукты. Нура их очаровала, а я наслаждался, что она в центре внимания, и не придавал этому особого значения.

Их племя задержалось на наших плодородных просторах. Моих сограждан это беспокоило, Нуру тоже. Гостившие у меня посланцы Сета изо дня в день оттягивали свой отход – то дети устали, то заболела чья-то мать, то старик при смерти, то скотину пробрал страшный понос.

– Я приглашаю вашего правителя разделить со мной трапезу, когда он пожелает, – сказал я им на прощание.

– Мы передадим ему, – обещали они.

Но все затихло.

По слухам, показывался Сет крайне редко, и это добровольное затворничество служило неиссякающим источником его огромной власти – мы больше почитаем неизвестное, чем известное.

Как-то утром от Сета примчался гонец и возвестил, что его хозяин приглашает меня на завтрашнее пиршество. И уточнил, что зовут только мужчин, без жен. Мне это не понравилось. Но я согласился.

Может, боги посылали мне на рассвете весть, когда я обнимал Нуру перед расставанием? Я чувал, что вокруг меня сплеталась сеть. Тревожило ли похожее предчувствие Нуру? Вспоминаю, что у наших поцелуев был привкус горечи, мне не хотелось размыкать объятия, я прижимал к себе ее хрупкое тело и упивался его запахом.

Я с трудом заставил себя уйти. Не пройдя и сотни шагов, я обернулся. Нура по-прежнему стояла у дома. Все сияло, небо – ясной голубизной, воды – фисташковой зеленью; вдали подымалась песенка колодезного журавля, эта мелодия из трех нот сопровождала и стирку белья, но ее перекрывало многоголосое пение птиц, возглашавших чистую радость бытия.

Нура на прощание махнула мне рукой, я ей ответил; углубляясь в пальмовую рощу, я обрывал связующую нас нить. Была ли моя тоска предчувствием ожидавших нас трагических событий? Не скоро я увижусь с Нурой, думалось мне.

Выйдя из деревни, я брел по полупустынной местности, там и сям еще попадались пучки травы, поросшие мхом скалы, потом я продирался сквозь пыльный колючий кустарник и наконец заметил условленную сикомору.

В этом крошечном оазисе – один источник, одно дерево и кусты – я увидел добрую сотню собравшихся мужчин. Дальше цеплялись за землю шатры, вокруг них топтались ослы, тут же резвились смешливые и тоненькие юные девицы.

Люди Сета подошли ко мне, сдержанно поприветствовали, подвели к гигантской сикоморе, где уже всюду шла пирушка. На коврах и козых шкурах красовались серебряные блюда, на них высились груды фиников, лепешек и копченого мяса. Мужчина средних лет пригласил меня сесть, и мы стали обмениваться любезностями. Я рассчитывал на встречу с Сетом, но мой любезный дородный собеседник пояснил, что он его сегодня заменит, поскольку его господину пришлось накануне вечером отбыть по неотложному делу; позже он непременно к нам присоединится.

Мы ели и разговаривали. Несмотря на оглушительную раскованность – появление каждого нового блюда сопровождал дружный рев, – веселье казалось мне несколько натужным, лишенным живого дружелюбия. Но меня это не слишком беспокоило, ведь я помнил, что предаваться такому кутежу кочевники не привыкли.

После пирога с апельсиновыми цветами и нескольких глотков теплого едкого пива дородный хозяин, облаченный в целый ворох богатых тканей, объявил игру. Сет приготовил для победителей несколько призов. Как их получить? Примеркой. Правила состязания представлялись и забавными, и щедрыми: кому пояс окажется в самый раз, тот и станет его владельцем; кому браслет придется впору, заберет его себе; кому сандалии будут тютелька в тютельку, тот в них и уйдет. Главный приз был прислонен к извитому стволу сикоморы – то был искусно расписанный и позолоченный деревянный гроб.

Состязание началось с большим подъемом. Все оживились. Атмосфера разрядилась. Я был крупнее многих соперников: все одежды и украшения оказались мне малы. Насколько я помню, меня это ничуть не опечалило. Ведь всякий праздник предполагает уступчивость. Я старался не выделяться, ведь участие важнее победы, и предавался общему веселью.

Пришло время и для главного приза: гроба. Его поставили на землю, крышку уложили рядом. Все друг за дружкой стали примерять гроб, и всем он был велик, кому на локоть, кому на палец. Я забрался в него с предосторожностью; мне он был как по мерке.

Кутилы придвинулись вплотную, наклонились ко мне, развеселились, стали выкрикивать поздравления. Губастый тип, увешанный безделушками, заплодировал, забрякал. Мне совсем не хотелось забирать этот приз, но почему бы и нет? Отказ может обидеть хозяев.

Я уже вылезал из этой обновки, и тут получил удар в лоб и как мешок повалился обратно. Мужчины накинули крышку, и я очутился в полной тьме.

Они рассмеялись, я тоже, как забавно... Я, болван, и забыл, что они треснули меня по голове.

– Отличная шутка. Ну, открывайте!

Вместо ответа застучали молотки: гроб заколачивали. Я попытался было откинуть крышку, со всей силы упершись в нее. Увы, она и сама была тяжелой, и гвозди ее уже прихватили, да и теснота мешала, не давала развернуться.

Чем громче я вопил, тем больше они свирепели.

Вдруг они перестали отзываться на мои крики. Повисла тишина. Что-то качнулось. Суевликий шорох. Кряхтенье. Короткий обмен репликами, приглушенный досками. По раскачке, тряске и толчкам стало ясно, что меня куда-то понесли.

Я силился понять, что происходит. Наконец я догадался, что меня погрузили на упряжку ослов, которая в сопровождении кочевников тронулась в путь.

Было совсем не похоже на тропу, ведущую в наши края; под жесткой поступью копыт угадывался совсем другой рельеф.

Конвой остановился. Я почувствовал, как гроб подняли, он качнулся и плюхнулся в воду. На сей раз сомнений не осталось: меня бросили в Нил.

* * *

Ни малейшего представления о времени.

Меня покачивало течение. Бренный кораблик моей жизни плыл по воле волн. Сквозь деревянные стенки доносились пронзительные птичьи крики. Ночь? День? Запахи пота, мочи и экскрементов меня уже не смущали, я к ним привык, это мой кокон. Пока я воняю, я жив.

Поначалу от ужаса меня едва не вывернуло. Еле дышал. Дрожал. Потел. Не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Колотило меня уже всерьез. Но вскоре я понял, что в крышке просверлено несколько отверстий. Небольшой приток воздуха. Это хорошо? Или плохо? Раз я могу дышать, я обречен на медленную агонию. Умру не от удушья, а от жажды. Какая утонченная пытка!

Я преодолел панику, и затеплилась надежда: я прислушивался к голосам воришек, промышлявших кражей на огородах и в садах, к разговорам мужчин, которые отбеливали белье²⁵, к болтовне женщин, относивших обед в поле, к гомону плескавшихся мальчишек, и кричал во все горло, стараясь привлечь к себе внимание. Впустую. Я мечтал, что какой-нибудь своенравный поток прибьет меня к берегу. Впустую. Даже молил высшие силы, чтобы мое злосчастное судно раздавил бегемот или его атаковали крокодилы. Впустую.

Надежда изнуряет. Надежда выматывает. Не утешает, а точит.

И мозг ослабил хватку. Я перестал вслушиваться, осмысливать, ждать. Перестал надеяться.

Покачиваюсь на волнах.

Мне все лучше и лучше.

Питать надежду – слабость. Принять безнадежность – сила. Я делаю выбор.

Я больше не цепляюсь. Я дрейфую.

Покачиваюсь на волнах.

Мне все лучше и лучше.

Мир и согласие...

Сознание открывается химерам, зыбким, струящимся мечтам, они отрывают меня от жестокой действительности. Я погружаюсь в апатию, покидаю зоны чувствительности и страха. Сникаю. Мякну. Распадаюсь.

Забвение благотворно. Почти не страдаю от жажды, уже ни мурашек, ни судорог, ни зуда, ни озноба.

Под конец моего плавания угадываю финал. Предел всех физических мучений. Смерть нужна, чтобы пресечь страдания. Смерть протягивает нам руки. Она милосердна. Дружелюбна. Желает нам добра.

Покачиваюсь на волнах.

Мне все лучше и лучше.

Время делается тяжелым, вязким. Неподвижным.

Погружаюсь в оцепенение, полное полупрозрачных видений, приятных, неприятных, безразличных... Попеременно всплывают лица, подобно парусам, колеблемым ветром... Мне

²⁵ Отбеливанием занимались мужчины, а не женщины.

не скучно. Я попал в чудесную компанию. Я переговариваюсь с прошлым. Рядом со мной пристроилась Нура и болтает без умолку. А вот и мама... Мелькнули могучие плечи дядюшки Барака. Все, кто обо мне заботился, пришли к моему изголовью, они веселы, снисходительны и полны любви.

Я окунулся в воспоминания, ни о чем не жалею, ни на что не жалею, никуда не стремлюсь. Настоящее меня не мучает, будущее исчезло.

Покачиваюсь на волнах.

Мне все лучше и лучше.

Чем глубже я проваливаюсь в себя, тем безразличнее мне мое тело, одеревеневшее от холода и сырости. Я его покидаю. К чему открывать глаза – и ничего не видеть? Говорить – и не быть услышанным? Отдавать приказы затекшим рукам и ногам?

Я в полусознании? Или в полуобмороке? Не знаю, бодрствую я или сплю. Меня укачивают то ли волны, то ли мысли.

Дивная пресыщенность.

Действительность меня уже не ранит.

Покачиваюсь на волнах.

Мне все лучше и лучше.

Мысли исчезают, не успев родиться. Невнятные... Теснятся отголоски, но отголоски чего? Еще слышу, как кровь шумит в ушах, глухое, медленное биение... Иногда во рту какое-то всасывание.

Тусклые сумерки, да?

Летучий взгляд Нуры. И подернулся пеленой.

Хорошо. Приятно. Упоительно.

Оцепенение.

Покачиваюсь.

Уже нет...

4

Сияние.

Свет выходит на поверхность. Нарастают запахи. Порхают звуки. Нагнетается жизнь. Легкие наполняются воздухом.

Гармония.

Мое естество трепещет, я открываюсь всем измерениям вселенной, составляю единое целое с водой, землей и солнцем, соединяюсь с вибрацией миров.

Красота.

Мои веки сомкнуты, но я чувствую, как меня пронизывает свет, он соблазняет меня, наполняет радостью. Я счастлив.

Благодарность.

Я томлюсь, мурлычу, покачиваюсь между желанием и удовлетворением, в самой точке равновесия между довольством и нетерпением.

Благоденствие.

Благоденствие бытия. Наслаждаться и возрождаться. Как известно посвященным, существование мгновенно себя обнаруживает.

Я мягко вернулся в жизнь.

Вокруг меня по-портновски сидели женщины в тяжелых черных париках, их взоры были прикованы к моему ложу. Едва я открыл глаза, они заулыбались, одна затянула песню, и все в унисон ее подхватили. Они мерно покачивались в трансе вперед и назад, послушные внутрен-

нему ритму. Их резкие пронзительные голоса взлетали в сумерках, отражались множественным эхом, говорившим о немалых размерах помещения. Ритуал уже отделился от меня и пошел своим ходом, набирая силу.

Тело было еще неподъемно тяжелым для меня. Лишь глазам удавалось совершать быстрые микродвижения, они торопились определить, куда меня занесло. Святилище, затопленное влажной духотой, рассекали полосы света, струившегося из узких оконеч в самом верху. Мы под землей?

Литургическое пение умолкло. Одна из женщин подошла к каменному колодцу, подняла ведро, поставила его у моих ног. Четыре других схватили тряпицы, намочили их в ведре и принялись меня омыwać.

Я понял, что обнажен и множество подведенных глаз уставились на мой член.

Меня кольнуло беспокойство. Может, у меня эрекция? Вроде бы нет... Что они пялятся? Но не важно! Там, откуда я пришел, приличия никого не волновали. Я в эйфории возрождения, да еще окружен и обласкан женщинами, и у меня вполне мог сделаться отменный стояк.

И все же я из любопытства приподнял голову. Нет, мой член лежал смирно. Но они не спускали с него глаз! Когда одна из них возложила на него увлажненную газовую ткань, ее соучастницы заворуженно вздрогнули. Что у них на уме?

Закончив омовение, они напоили меня и накормили. Не вовлекая меня в разговор, они беседовали на незнакомом диалекте, хотя отдельные слова я понимал.

Прошло несколько дней и ночей. По непонятной мне причине восстановление шло медленно. С женщинами я почти не общался, но не столько из-за языковых различий, сколько из-за того, что при всем их внимании ко мне они не стремились установить со мной контакт. Покорные, послушные, лишённые собственных устремлений, они методично занимались своим делом. Каким? Они служанки? Целительницы? Стражницы? Жрицы любви? Их глаза ярко вспыхивали только при взгляде на мои гениталии, и взоры погасли, когда я прикрылся.

Силы прибывали, я становился обычным Ноамом. Восстановилась даже маленькая перепонка между средним и безымянным пальцем. Эти два сросшихся пальца были моей родовой особенностью, клеймом. Как я ни разглядывал руку, как ни крутил ее во все стороны, я не заметил и следа операции, предпринятой мною в Кише, когда я рассек эту перемышчку. Я снова обрел родовую черту моего деда, отца, моего сына Хама и, позднее, Авраама.

Постепенно исчезла скованность конечностей, и я готов был встать на ноги. При первых моих шагах вокруг ложа сиделки поддерживали меня, не подымая глаз и избегая моего взгляда. Однажды утром я решительно дал им понять, что больше не нуждаюсь в их поддержке. Когда я покидал насыщенную влагой залу, самая старшая из женщин подала знак, и остальные хором затянули гимн. Что они прославляли?

Не дожидаясь окончания песнопений, я перешагнул порог; мне не терпелось обследовать окрестности и прояснить тайну моего появления в этих краях. Какое разочарование! Здание оказалось пустой каменной полуподвальной постройкой, несуразно большой и нелепой. Каково ее назначение?

Чтобы не ступать на скользкую и вязкую глину, я двинулся по одной из каменистых извилистых тропинок, разбегавшихся от здания. Вокруг, загромождая обзор, высились ограждения из папируса, прислоненные к пальмам. В солнечных просветах резвились полчища мошкары, рыхлая почва кишела жабами и змеями. Двигаясь по извилистой тропе, я вышел к веренице шатров, – похоже, здесь спят женщины. Дальше джунгли снова густели, и я заметил деревянный помост, где дежурили трое стражников. Я что, в тюрьме?

Обследовав все тропинки, я пришел к выводу, что нахожусь на острове, окруженном болотами и зелеными островками. У каждого причала на берегу размещались тройки часовых, вооруженных кинжалами и копьями; они почтительно приветствовали меня, отворачивались и с удвоенным рвением продолжали вести наблюдение.

В сумерках я наткнулся на клетку, состоящую из трех кирпичных стен и железной решетки; в Бавеле в похожих клетках содержали львов. В ней на коленях сидел старик; перед ним лежала доска, на которой он рисовал тонкой кистью. Он не сразу меня заметил. Когда он все же почувствовал на себе мой взгляд, то поднял глаза и с облегчением воскликнул:

– Наконец-то!

Его восклицание меня удивило. Кто-то здесь ждал меня. Кто-то понимает, что со мной случилось, и разъяснит мне это.

Немного придя в себя, я спросил:

– Ты знаешь, кто я?

Кровь бросилась ему в лицо, и он сдавленно прошептал:

– Конечно.

Глядя на его клетку, я пожалел, что единственный мой собеседник – пленник. Угадал ли он мои мысли? Уцепившись за разделявшую нас решетку, он тяжело вздохнул, поднялся на ноги – при этом суставы его закрипели, – шагнул вперед, толкнул незаметную дверцу в стене... и оказался рядом со мной. Клетка осталась открытой.

– Как? – пробормотал я. – Разве ты не?..

– Узник? – подсказал он. – Теоретически – да. Практически – нет. Она предполагает, что я не убегу.

– Она?

– Богиня.

Я не знал, но чувствовал, что на выяснение правды при посредничестве старика уйдут многие недели. Он чуть ли не подпрыгивал, чтобы меня разглядеть.

– Не думал я, что ты такой большой.

Старик, придавленный грузом лет и скрюченный ревматизмом, рядом со мной казался карликом. Он робко коснулся моей руки и вздрогнул.

– Я думал, что покину этот бранный мир, так тебя и не увидев.

– Но как долго ты меня ждал?

Он поморгал, замер с открытым ртом и уставился на меня водянистыми глазами.

– Я еще не родился, а ты там уже лежал. Мой отец не родился, а ты там лежал. Мой дед не родился, а ты там лежал. Сменилось так много поколений, что их уже и не счесть. Но вот я тебя вижу и чувствую себя избранником! Я выполню миссию.

– Какую миссию?

– Ту, что была возложена на мою семью. Из поколения в поколение мы писцы. Моя задача – научить тебя писать.

– Но я умею писать!

Он не стал возражать, задумался, потом прошептал:

– Отлично. Значит, моя миссия не займет много времени.

– И кто же возложил на твою семью эту миссию?

– Разумеется, богиня.

– Какая богиня?

– Если я произнесу ее имя, то умру. Но произносить его нет нужды: ты, господин, лучше всех знаешь в глубине своего сердца, о ком идет речь...

Он простодушно на меня воззрелся, но было в его взоре и сообщничество.

– Как только ты сможешь читать самостоятельно, я передам тебе свиток богини.

– Свиток?

* * *

Остров оказался довольно жутким местом. Кроме гудящих, жадных до крови комаров, неумоимо кидавшихся на всякий незащищенный участок кожи, тут обитало множество крокодилов. Эти рептилии, наделенные пагубным колдовством, превращались в древесные стволы, пни и канавы, неподвижно лежа часы напролет и сливаясь с окрестным пейзажем; но стоило показаться добыче, как они совершали мощный прыжок и сокрушали ее своими розоватыми челюстями, кромсали, а затем медленно и удовлетворенно переваривали в полусне, не обнаруживая даже и тени триумфа, настолько их превосходство казалось им законным. Одной из основных задач стражников было отгонять этих страшных хищников; дозорные орали, кидали камни и потрясали копьями. Но некоторым крокодилам удавалось затаиться в темных углах, и время от времени они оттуда выпрыгивали и отхватывали кому-то из женщин руку или ногу, а то и проглатывали ее целиком.

Но одно животное царило на острове и было предметом поклонения его жителей, получая от них приношения: то была кошка Секрис.

Высокая, стройная Секрис с крапчатой шерсткой и шелковистыми ушками поражала своими небесно-голубыми глазами, которыми ее затейливо наделила природа, и прелестью, казавшейся столь непродуманной, что не сразу и заметишь ее совершенную симметрию: черные линии на мордочке подчеркивали веки, затем они разбегались дугами к вискам, удлиняя маленькую треугольную головку и уводя взгляд на поиски тиары или диадемы, которых этой особе только и не хватало. Секрис любила безмятежно и торжественно восседать в стороне от суеты, изящно обвив себя хвостом. Смотрела ли она на людей, когда она на них смотрела? Она их проницала... Что она улавливала? Видела ли нечто иное, за людьми, в себе, замечая неведомые горизонты, и внутри, и снаружи. Кто бы ни наблюдал за ней день напролет, для всех она оставалась непознаваемой. И если подойти к ней вплотную, была по-прежнему далека и надежно хранила свою тайну. Порукой в том были ее удивительные глаза.

Ее чары крылись в ее неприступности. Никому не удавалось заговорить с ней или приласкать ее по своему усмотрению: это она, когда ей вздумается, подходила к человеку потереться о его ноги, иногда весьма энергично, и рычала, требуя ласки, в которой только что ему отказала. Когда наполняли ее миску, она недоверчиво и презрительно обнюхивала пищу, потом ее поглощала; затем, забыв о недавней сдержанности, горестным мяуканьем требовала добавки. Непредсказуемость делала ее присутствие более осязаемым.

Женщины почитали ее как богиню, и она не возражала. Они видели в ней воплощение бога Ра, один из обликов, принимаемых Благодетелем, дабы избавить их от захватчиков: крыс, птиц и змей, пожирателей фруктов и урожаев. Они даже подражали ей: оттеняли пудрой ноздри, чтобы уподобить свой нос ее розовому носику, и подкрашивали глаза.

Секрис высокомерно меня избегала, что мне было даже на руку, поскольку ее внимание могло обернуться садизмом. Женщины были ее рабынями, добычей, простым развлечением. Сколько раз я наблюдал, как она преследует жертву и наслаждается, видя ее жалобы и попытки увернуться! Она играла с лесной мышью, измывалась над ней, терзала ее и когтила до крови, кусала, трепала, делала вид, что о ней забыла, и снова принималась кусать, вонзала в нее острые зубки, но не для того, чтобы убить бедняжку, а чтобы та продолжала игру в умирание. Она охотилась для забавы, а не для пропитания. Под конец я проникся большим уважением к отваге побежденного грызуна, чем к победоносной жестокости Секрис.

Кроме наблюдения за этим занятным божеством, я посвящал свои дни изучению иероглифов со стариком. Я напрасно похвалился, что обучен письму: работа оказалась непосильной. Прежде письмо охватывало лишь запись событий; теперь же, с помощью многих ухищрений, оно выражало все. Альянс знаков-картинок и знаков-звуков эволюционировал; многие

символы означали язык, а не только предметы. Хотя наречие, на котором говорили на берегах Нила, включало гласные и согласные, его запись фиксировала только согласные, а гласные опускала: гласные угадывались.

Рисунки достигли тонкости, они были мелкими, но отчетливыми. Их выстраивали в ряд либо в столбец – горизонтальное чтение, вертикальное чтение, – заботясь о красоте записи.

Старик садился по-портновски возле своей клетки и, несмотря на его обычное простодушное благоговение передо мной, он, едва войдя в роль учителя, мигом становился беспощадным. Мне следовало запомнить не одну сотню идеограмм, изображавших существа, части тела, животных, растения, инструменты, человеческие позы. После чего он методично объяснял мне исключения из правила и нарушения строгого порядка: я изучал картинки с двойным и тройным смыслом, как символическая птица, означавшая и «ласточку», и «величие».

На семантических классификаторах я хромал. Насчитывалось их сотни две, их ставили после многозначного символа для указания категории, к которой символ следует отнести: так уточняли, идет ли речь о животном, о размере, о моральном качестве, о событии. Поскольку немногие достигли совершенства в искусстве записи и чтения текстов, люди тонули в двусмысленностях.

Время от времени Секрис бесстрастно расхаживала перед нами, прикрыв глаза и покачивая бедрами. Видя тщетность моих усилий постичь искусство чтения иероглифов, она удалялась с презрительным фырканьем, выражая отношение к моей персоне.

Однажды перед лицом нескончаемых трудностей мой мозг взбунтовался; я отшвырнул дощечку, кисть, чернила и рывкнул:

– Довольно!

– Запасись терпением. Доверься мне. Я уже обучил письму своих сыновей и дочерей. Я хотел, чтобы они были людьми, а не истуканами.

– Хватит! Давай сюда свиток!

Теперь я знал, что свиток состоит из множества последовательно склеенных листов папируса. Писец спокойно ответил:

– Зачем? Ты его не поймешь.

– Ну так прочти мне его ты!

Я склонился к нему, колеблясь между желанием умаслить его и принудить. Он невозмутимо возразил:

– Здешние воительницы носят оружие, кинжалы, мечи, и к тому же они получили приказ: вручить тебе свиток, только когда ты научишься правильно читать.

– Но откуда они об этом узнают?

– Об этом скажу им я.

– Ну так скажи.

Он печально посмотрел на меня и сжался.

Я уступил. Он отказался от личной жизни ради исполнения обязанности, возложенной когда-то на его семью, и потому не сдастся, каковы бы ни были трудности, угрозы и соблазны. Мы продолжили занятия, и в тот же вечер он разразился неожиданным комплиментом:

– Богиня была права: ты усваиваешь знания быстрее других.

Какая богиня? – подумал я в очередной раз. Кто я в их глазах? За кого они меня принимают, эти женщины, эти часовые, этот грамотей и эта кошка? Я по-прежнему думал, что они меня принимают за кого-то другого, но отчасти из осторожности, отчасти от усталости разрешить загадку не пытался: разгадка крылась в пресловутом свитке.

Прислуживавшие мне женщины терпели всё. Они выказывали абсолютное послушание, смесь безразличия и покорности. Кому они подчинялись? Очевидно, мне. Но кто приказал им подчиняться мне?

Теперь, когда я лучше понимал их язык, меня стала занимать фраза, повторяемая ими во время моего туалета, когда они разглядывали мой член:

– Богине удалось даже это...

Невозможно было помыться, не ощутив на своих тестикулах их восхищенные взгляды.

– Богине удалось даже это...

Куда я попал? Что у них за бзик? Однако ни у одной из них не было и тени желания, ни одна не позволяла себе какого-то нескромного жеста. Никакой похоти, только почтительность.

– Богине удалось даже это...

Всякий раз при этих словах я вздрагивал, пораженный тем, что некая часть меня связана с неведомой мне тьмой.

Комариный остров гудел тайнами. В начале недели причаливала барка, управляемая девушками, привозила пищу и отплывала, тихая, как волна. Откуда она приходила? Хоть я здесь и не скучал, мне не терпелось на ней уплыть. Скорей бы уж конец моего обучения!

Помимо сведений о богах, папирусы сообщили мне, что в прежние времена Нил объединял орошаемые им территории, и вся их совокупность называлась Черная земля, Египет. Вспоминаю, как эта новость меня ошеломила... Во времена моего детства человеческие сообщества ограничивались семьей, кланом, племенем и деревней. Затем, конечно, я встречал и более крупные сообщества, города в Стране Кротких вод, и особенно головокружительный город тирана Нимрода. Но мне и в голову не могло прийти, чтобы общность людей могла покрывать столь обширную территорию. Согласно текстам, она состояла из двух зон, Нижнего Египта и Верхнего, которыми правил могущественный властелин, фараон. Мне не терпелось поскорее исследовать этот новый мир.

Писец никогда не отвечал на мои вопросы, помимо тех, что напрямую относились к искусству каллиграфии. Если я настаивал, он устало вздыхал – как вздыхают взрослые, имея дело с непоседливым ребенком, – разочарованный моими попытками нарушить его молчание. Зато Секрис смотрела на меня уже не так презрительно, она усаживалась возле клетки и занималась туалетом, поглаживая себя за ушком: несомненно, она полагала, что я понемногу меняюсь к лучшему...

Однажды утром я увидел у своего ложа старика в сопровождении трех стражниц. Он церемонно склонился ко мне и протянул обещанный свиток.

– Вот, господин. Ты полностью подготовлен.

Я нетерпеливо схватил манускрипт.

– Позволь мне поприветствовать тебя, – добавил он. – Моя миссия завершается. Я отплываю на барке, которая привезла нам съестные припасы. Я возвращаюсь к своим и сообщу им, что они могут работать, где захотят. Наша семья выполнила обязательство. Я освобождаю будущие поколения. Как я горд, господин, какая для меня честь, что я сопровождал тебя в поворотный момент твоей судьбы! Спасибо тебе! А теперь я устраниюсь и оставляю тебя один на один с истиной.

Он повернулся и ушел в сопровождении доблестных стражниц.

Истина? Что за истина у меня в руках?

Я развернул папирус.

Любовь моя,

я не вижу твоих прекрасных карих глаз, осененных девичьими ресницами, но я представляю их, и мое сердце рвется из груди: ты читаешь это письмо, значит ты жив. Я так мечтала об этом мгновении; я жила лишь ради него после наших последних объятий на берегах Нила. Всеми силами и упрямством я сделала этот миг возможным... Прости, кисточка медлит... слезы душат меня, и я позволяю им течь. Слезы радости, ведь ты возродился. Слезы горечи, ведь я от тебя так далеко.

Но почему? Почему я не могу в этот миг стиснуть тебя в объятиях?

Мое послание развеет эту тайну.

На берегах Нила распространилась новая господствующая вера, она изменяет не только умы, но храмы, дворцы и могилы: культ Исиды и Осириса. Кроме того папируса, что в твоих руках, тебе не удастся раздобыть ни одного свитка, рассказывающего об их пути, но всякий египтянин поведаст тебе о нем – кто не знает этой истории, тот здесь чужой. Боюсь, что ты побледнел... Но важно, чтобы ты расшифровал это послание до конца.

Когда мы с тобой пришли на эти щедрые берега, они кишели множеством богов, среди которых не было Исиды и Осириса; люди чтили бога солнца Ра, высшее божество, за которым тянулась вереница других: бог Нила Хapi, Атум, Бат и десятки демонов и духов животного мира. Когда ты решишься покинуть этот остров, ты увидишь, что отныне Исида и Осирис занимают центральное место и неотделимы от повседневной жизни.

Но что же случилось? За меня об этом расскажет легенда...

Эта история начинается вскоре после сотворения мира. Геб, бог земли, был очарован красотой Нут, богини неба. Он желал соединиться с ней. Ее отец Шу, бог воздуха, воспротивился этому. Но тщетно. Пылкие влюбленные Геб и Нут преодолели препятствия. Если днем богу Шу удавалось разлучить влюбленных, то по ночам Геб и Нут соединялись в таинственной тьме, и только утро снова их разлучало. От их неизменно страстных объятий, как свидетельствуют ночные пейзажи со звездным куполом, обнимающим темную землю, родились четверо детей: Исида, Осирис, Сет и Нефтида.

Жизнь четверых близнецов началась во чреве матери: Исида и Осирис полюбили друг друга, и во тьме материнской утробы тайком занимались любовью.

Тебе это ни о чем не напоминает? Я продолжаю...

Осирис родился на свет первым; он рос и со временем стал проявлять выдающиеся качества. Он умело управлял, обучил людей земледелию, скотоводству и ремеслам. Он поставил свой талант цивилизатора на службу населению, а потому стал предводителем сообщества и осуществлял на Черных землях благотворное правление.

Тебе это все еще ни о чем не напоминает? Я продолжаю...

Исида оказалась – тут я покраснела – соблазнительной, умной, своевольной, «искуснее миллионов мужчин, пронзительнее миллиона богов, рассудительнее миллиона духов». Она использовала магический дар для лечения людей заклинаниями и снадобьями – спасибо, Тибор.

Осирис и Исида, супруги-близнецы, принесли человечеству эру благоденствия, гармоническую эпоху космического, общественного и политического мира.

Все было бы хорошо, если бы не Сет. Второй мальчик из четверки близнецов, наделенный холерическим темпераментом, оказался похотливцем. Кажется, он разорвал материнский живот, стремясь пробурить проход и выйти на свет первым. Согласие Исиды и Осириса приводило Сета в отчаяние; хотя он и вступил в подобную связь со своей сестрой Нефтидой, которая была совершенным двойником Исиды, у него развилось неудержимое, навязчивое, ревнивое желание присвоить достояние Осириса, его земли и жену – должна сказать, что Сету досталась во владение пустыня.

Чтобы избавиться от Осириса, Сет организовал заговор. Он пригласил старшего брата на пир. Посреди парадной залы был воздвигнут огромный, великолепно украшенный сундук. Никто не отказался бы от такой роскоши. Сет объявил, что достанется он тому, кому он придется точно по росту. Его примерили семьдесят два приспешника Сета, и всем им он был велик. Когда в него лег Осирис и оказалось, что сундук в точности соответствует его размерам, сообщники Сета набросили крышку, запечатали его расплавленным свинцом и бросили в Нил. Осирис умер от удушья. Может, лучше не описывать тебе подробности этого эпизода, которые вызвали бы у тебя ужасные воспоминания...

Несколько дней спустя Исида узнала, что случилось с ее мужем, она тотчас отправилась на его поиски, следуя за течением, увлекавшим злосчастное судно. И повсюду окликала она мальчишек, и те отвечали ей: «Мы видели большой сундук». На подходе к морю Нил расширился и разделился на множество рукавов. Но Исиду это не остановило. Она обследовала даже самые крошечные излучины, прочесала все берега, обшарила все заросли тростника, перерыла весь ил; говорят, она даже обратилась в птицу и облетела дельту Нила – я на это не решилась и ограничилась плаванием на легкой папирусной лодке, крылатые паруса которой наполнялись ветром.

Исида не нашла Осириса. Вот почему: сундук вышел из устья, его отнесло по Великому морю до Библа, где он застрял в корнях огромного тамариска, и тот разросся, обнимая его стволом и ветвями. Затем здешний царь, пораженный великолепием дерева, цветущие розовые ветви которого напоминали перья, срубил его и установил посреди своего дворца. Увидев это, Исида соблазнила царя, навела на него чары, напоила зельем – версий несколько, – а затем вырезала сундук с останками Осириса.

Она отвезла его в Египет и погрузила в болота. В иссушенное тело, капля за каплей, вернулась жизнь: ее супруг дышал, по жилам текла кровь, он вот-вот откроет глаза. И кому еще приписать воскрешение Осириса, как не Исиде! Для богатого и ворота настезь.

Однако шпионы Сета ее выследили. Советовались ли они со своим хозяином? Или вмешались своевольно? Как бы то ни было, свершилась жестокая расправа, подобной которой в долине Нила не бывало...

Приспешники Сета убили Осириса, когда он уже почти ожил. И чтобы окончательно стереть его след с лица земли, они разрезали его на части – на четырнадцать частей, – вскарабкались на ослов и развезли останки в разные стороны, далеко друг от друга.

Воспрепятствовать зверству Исида не смогла. Но она не отступилась. С помощью служанок она отыскала части тела Осириса, почистила их, соединила по порядку кости и внутренности, собрала руки и ноги. Увы, она обнаружила, что вновь собранному супругу не хватает детородных органов. Где же искать этот четырнадцатый фрагмент? Она произвела обширное расследование и узнала, что фаллос Осириса проглотила рыба, да, сцапала и переварила нильская щука-оксиринх, и с тех пор под страхом смерти эту рыбу запретили употреблять в пищу.

Исида решительно набрала нильского ила и пальцами, так хорошо знавшими детородный орган своего любимого, вылепила его из глины и приставила к собранному из кусков телу. Вернув супругу его мужское достоинство, она призвала свои чары. Понемногу глина превратилась в плоть, тело стало наполняться жизненными соками, труп ожил, ноздри затрепетали, душа вернулась. Осирис возродился повторно.

После этого Исида защитила Осириса от Сета. Она поместила его в уединении, воздвигла ему в безопасном месте святилище, на полдороге между живыми и мертвыми. Сейчас ты там и находишься.

Ничто не остановит Сета, который уже дважды убил своего близнеца: он всегда будет страстно желать Исиду и всегда будет завидовать Осирису. Двое братьев навсегда останутся врагами.

Разберись сам, мой Ноам, что тут исходит из нашей с тобой истории, а что – приукрашено легендой. Но вот что важно: вернувшись под именем Сета, Дерек отыскал и узнал меня, но не тебя: чтобы завладеть мной, он расправился лишь с тем, кого считал моим спутником. Не отличаясь физической смелостью, он дважды отправлял на черное дело наемников, дабы не подвергать опасности себя. Вот единственная хорошая новость во всей этой веренице ужасов: тебя он не видел. Дерек-Сет всегда верил, что ты погиб окончательно. Вспомни: если он и знает, что мы с ним оба наделены вечной молодостью, ему все еще неизвестно, что мы бессмертны.

После этих событий прошли века. Я тебя оберегала. Едва я почувствовала в тебе дрожь возрождения, я удалилась и продолжала о тебе заботиться руками моих служанок. Теперь ты снова жив, а я исчезаю.

Не пытайся меня отыскать, любовь моя. Не носись по всему свету, как прежде. Кажется, будто земля с каждым новым поколением разрастается, но я скроюсь.

Пойми меня: я не прячусь от тебя, мой Ноам, я защищаю нас от Дерека. От этого чудовища, замешанного на бешенстве и ярости, я охраняю все человечество: пока он не знает о пределах своей власти, он считает себя уязвимым и чего-то боится.

Прощай, Ноам! Учись жить без меня! Пожалуйста, люби иначе. Люби другую. Люби других. Приручи счастье. Умоляю тебя, будь счастлив.

Что до меня, едва ли мне это удастся, но я попытаюсь. Какая злая ирония! У нас с тобой есть все для счастья: красота, молодость, вечность! И вот этот Дерек...

Я умолкаю. Кажется, злой рок оказался сильнее нашей любви.

Я заканчиваю это письмо единственными словами, в которых я уверена, словами, которые меня терзают, словами, по которым струятся мои слезы и кровь: я тебя люблю.

Нура

Это послание повергло меня в тоску и уныние. Письмо разлуки и любви давало отбой нашему блаженству.

Конечно, надо уходить. Но куда и для чего?

Глядя на комариный остров, я понимал, что нахожусь в святилище, и не каком-то, а в своем собственном. Загримированные женщины в черных париках составляли отряд моих жриц, а часовые – охранниц. Даже крокодилы и полчища насекомых служили мне защитой. А кошка Секрис воплощала взирающее на меня око Ра.

Была ли Нура права, разлучив нас? Я был не в силах отказаться от нашей страсти и считал эту капитуляцию и несправедливой, и нелогичной: разве не для того обрели мы дар вечной жизни, чтобы вечно любить друг друга? Раз наша любовь сумела одолеть смерть, почему бы ей не одолеть и злой рок? Я не соглашался с ходом мысли Нуры, отвергал ее решение, злился на ее непреклонность. Какое малое значение она придавала нам! Она вынудила меня ждать, пока длилось ее супружество с моим отцом, ждать, пока длилось ее супружество с Авраамом. А я должен был приспособливаться и терпеть! Мне отводилось зависимое положение. Дорожила ли она мной так, как дорожил ею я? Она скаредна и скупа на чувства, она подчиняет наши отношения обстоятельствам. Мало в ней порыва. Мало душевной стойкости. Мало времени уделяет она нам двоим...

Стоило мне выплеснуть в этих фразах свой гнев, как я осознал свою неблагодарность и увидел события под другим углом. Века напролет Нура преданно мне служила, чтобы вернуть меня к жизни. Дважды она заботилась обо мне, жертвуя удовольствиями и независимостью. Какой абсурд! Ведь Нура провела больше времени с моим трупом, чем с моим живым телом, больше десятилетий меня выхаживала, чем обнимала. Стечение обстоятельств превращало мою возлюбленную в сиделку. Охранять меня и увлажнять мое тело – вот самое главное, чем она была занята. Я устыдился. В чем я обвинял Нуру? Я был всего лишь тяжелой ношей, я ее не заслуживал, я испортил ее жизнь. Мы должны были разлучиться. Мне следовало освободить ее от себя.

Итак, мне надо было уйти.

Однажды после выгрузки провизии я попытался взойти на барку. Охранницы встали на дыбы. Я попытался их напугать. Они схватились за копья и мечи – пусть они и считали меня божеством, это не отменяло их обязанностей.

Поскольку бегство вплавь было исключено из-за крокодилов, я еще раз попробовал пробраться на барку. Бдительные стражницы укрепили свои ряды, и двенадцать воительниц отбро-

силы меня на берег. Но почему, покидая остров, Нура не дала им приказа освободить меня? Чтобы она могла отплыть от острова как можно дальше, чтобы увеличить расстояние между нами?

Тогда я обратился к средствам, которые остаются безоружному человеку: к хитрости и терпению. Я углубился в дебри буйной растительности, в лохматые заросли папируса, и вдали от посторонних взглядов срезал стебли и днями напролет мастерил лодчонку. Эти работы я вел в двух шагах от воды за тростниковыми зарослями; я опасался водившихся там черношеих кобр, зато они служили живым щитом от крокодилов.

Пришел долгожданный рассвет того дня, когда лодка была готова.

Утро началось необычно. Послышались крики. Что такое? Кошка Секрис скончалась. Жрицы оплакивали ее, восхваляли на все лады, бормотали молитвы и готовили ее останки к мумификации. Они начисто выбрили себе брови и сняли с лица грим. Их траур длился много месяцев²⁶.

Воспользовавшись всеобщим смятением, я исчез, прорубил кривым ножом в тростниках узкий проход и протолкнул в него свою лодчонку. Я залег на дно и с оглядкой погреб от берега к глубокой воде; беззвучно и осторожно я двигался от болот к реке, опасаясь как своих блюстительниц, так и коварных рептилий.

Нил встретил меня радушно. Мощный и спокойный, он широко открывал горизонт, раздвигал пространство и осенял все вокруг своим величием. Воды были усеяны синими блестящими, будто катили частички неба, а у берегов они менялись, вбирая краски лотосов, кустарни-

²⁶ Кошка отделилась от природы в тот исторический момент, когда человек перешел к оседлому образу жизни. Когда наши предки, охотники и собиратели, построили деревни и начали запасать и хранить продукты питания, они приобрели новых врагов и новых союзников. Врагами стали животные, которые поедали хранившиеся в амбарах припасы: мыши, крысы, птицы и змеи. Союзниками стали мелкие дикие хищники – кошки, поедавшие этих грызунов. Так что отношения человека и кошки начались с взаимопонимания, основанного на общих интересах. Эти зверюшки немало способствовали развитию человечества и становлению цивилизации, сторожа продукты питания. Собака в Египте пользовалась репутацией прекрасного охотника, а кошка ценилась скорее как защитник. Она по-женски оберегала пищу и создавала уют, а к тому же была гибкой, прелестной и соблазнительной. Всеобщую любимицу богиню Баст лепили и рисовали с кошачьей головой, и ее чествование в городе Бубастис, кишевшем священными кошками, привлекало во время торжеств семьсот тысяч поклонников – как современный рок-фестиваль. Законы запрещали препятствовать им, бранить их и убивать. Во время пожара сначала спасали кошек, а потом уже имущество. Даже в голодные времена их не ели. Когда кошка умирала, члены семьи сбрасывали брови и семьдесят дней соблюдали траур. Кошки не только устаивались погребальных почестей, их, бывало, даже мумифицировали, чтобы обеспечить им загробную жизнь; а иногда им в могилу запускали мышку, чтобы они могли перекусить или порезвиться на просторах Дуата. Древний Египет был кошачьим золотым веком. Евреи смотрели на это поклонение критически, но греки, пищевые припасы которых прежде охраняли куницы, ласки и хорьки, завезли из Египта кошек, потому что все египетское приводило их в восторг. И если они по-прежнему считали собаку лучшим товарищем, то кошка стала роскошным подарком, игрушкой, которую дарили любовнице или гетере. Увлечение кошками не ослабло и в Древнем Риме, да и в мусульманском мире: Магомет даже отрезал рукав халата, чтобы не будить свою любимую Муиззу. В Средние века католицизм изменил отношение к кошкам. Религиозные фанатики систематически истребляли кошек, пытаясь извести их окончательно. Если в крестьянских хозяйствах и в монастырях кошки все же играли свою роль борцов с грызунами, гроза на них грянула из Рима. В 1233 году папа Григорий IX объявил кошкам войну: вертикальный зрачок кошки, схожий с гадючим, свидетельствовал о ее сатанинской природе; о том же говорили и ее лень, сластолюбие и привычка тщательно вылизывать свои интимные места. Эта папская булла повлекла истребление кошек и их владельцев, обвинявшихся в колдовстве. Несомненно, прямым следствием войны с кошками стало распространение в XIV веке чумы, которую разносили крысы: отныне ее ничто не сдерживало. Но после этой смертоносной эпидемии Иннокентий VIII – как неудачно выбраны имена! (Innocent – невинный. – *Примеч. перев.*) – еще больше ужесточили преследование кошек. Перед лицом возрождения языческих культов они назначили кошку приспешником дьявола и козлом отпущения, приписав ей демонизм. Отныне горящие ночью кошачьи зрачки доказывали адскую природу их обладательниц. Инквизиция неистовствовала. Во время праздника св. Иоанна, в день летнего солнцестояния, кошек сжигали, посадив их в подвешенные над костром корзины, и народ ликовал, слыша их отчаянные вопли, означавшие предсмертные крики Лукавого. Во времена Ренессанса это безумие утихло. Кардинал Ришелье обожал своих четырнадцать кошек, а Людовик XIV, тоже любитель кошек, запретил эти ночные костры в праздник св. Иоанна. Эпоха Просвещения также внесла свою лепту в борьбу с суевериями. В XIX веке к кошке вернулась благосклонность рода человеческого, тем более что ученый Луи Пастер, изучавший микробы и способы распространения болезней, назвал ее совершенным примером гигиены. Так или иначе, уготованная кошке судьба прежде зависела от религий. В наши дни кошка от них освободилась и снова царствует у нашего очага. Отныне она ни око бога Ра, ни приспешник дьявола, но владычица наших сердец.

ков и трав. Им принадлежал даже прибрежный ил. А вдали лазурными озерцами проплывали поля цветущего льна.

Только теперь я ощутил, насколько я раскис и размяк в этом мрачном, суровом и нездоровом месте, в этом гнилом узилище. Плыв по божественной реке, пьяный от вольного воздуха, я чувствовал себя свободным, счастливым, и к тому же впервые после прочтения ее письма – пусть даже передышка будет недолгой – я больше не думал о Нуре.

Иногда вдалеке проплывали игольчатые силуэты пальм, тонкие тростинки, увенчанные звездой. Селяне неспешно гнали с пастбищ ослов, груженных снопами, а величественные женщины с благородной осанкой, стройные и сильные, возвращались с реки к домам, удерживая на голове кувшин с водой.

Меня взволновала сладостная музыка: мелодия колодезных журавлей. За несколько веков их песенка изменилась не больше, чем движения человека, достающего воду с помощью этого рычажного механизма. Дерево поскрипывало, полуобнаженная фигура наклонялась, разгибалась, разворачивала шест, снабженный черпаком, и распределяла воду на пшеницу, ячмень и люцерну. Здесь, на низком берегу, журавль оставался простым; а на холмистом он усложнился: несколько механизмов тянулись вверх по холму, первый забирал воду из реки, второй – из водоема, наполненного первым, третий – из водоема второго, и дальше она отправлялась в поля. Эти качавшие воду тощие журавли казались гигантскими насекомыми, огромными кузнечиками с медленными скрипучими усердными усиками, они следовали друг за дружкой, насколько хватало глаз.

Все чаще попадались деревни. Люди жили рядом с козами и баранами в простых приземистых хижинах из глины, высушенной на солнце. По берегам, залиристо смеясь, брызгалась голая ребятня с бирюзовой жемчужиной на шее, хранившей от дурного глаза. Безучастно стояли в воде толстые буйволы.

Потянулись крупные постройки. Напротив одной из них я пристал к берегу, измученный голодом и жаждой; то был некий храм из охристого камня, со стройными колоннами карминового, оливкового и бирюзового цвета.

Я поднялся на семь ступеней и вошел в приятный торжественный сумрак, обрамленный плотным строем колонн, колоссальных каменных стволов папируса, возносившихся к лазурному потолку, усеянному звездами. Я проскользнул мимо хмурых охранников при входе и шел из галереи в галерею по плиткам, которые отзывались моим шагам, тогда как массивные стены гасили звуки извне. В конце последней галереи путь мне преградили жрецы и не пропустили в главный зал.

Какая муха меня укусила? Мне следовало развернуться и поискать пропитания за пределами храма; вместо этого, несмотря на препятствия и запреты, я встал перед письменами, выбитыми на известняковых плитах, и стал приноравливаться к полутьме, желая узнать, кому этот храм посвящен.

Разбирая иероглифы, я был поражен: здесь почитали Осириса. Из прочитанных отрывков я понял, что Осирис принес людям надежду на жизнь после смерти. Воскресая, он открыл новое измерение существования: смерть – это не конец; жизнь не оканчивается смертью, но меняет форму; когда человек угасает, он завершает данный цикл, чтобы начать следующий. Чтобы преодолеть порог и обеспечить возрождение на следующей стадии, лучше всего внять совету Исиды: мумифицировать покойника, поместив его в саркофаг, защитить от порчи его члены, плоть и внутренности, а затем вооружиться терпением. Ведь люди сродни растениям: после расцвета они увядают и возвращаются в землю для последующего возрождения.

Ошарашенный этими открытиями, я покинул святилище и присоединился к кучке людей, что-то жевавших под сенью акаций. В перегретом воздухе стоял звон мошкары, а птичий гомон с приближением полудня притих.

Я жевал финики и участвовал в общей беседе. Десяток окружавших меня мужчин и женщин совершали паломничество, чтобы снискать милость Осириса.

– Зачем вам это? – спросил я их.

– Осирис ведает входом в Дуат, – отвечала дородная женщина.

– Что это значит?

– Он решает, принять ли нас в свое царство или нет.

– Дуат?

– Загробный мир. Плодородные земли, вечно орошаемые. Ты откуда?

– А почему Осирис может отказать?

Женщина пожала плечами, удивленная моей наивностью.

– Он оценивает души. Мы предстаем пред судом, а он главный судья. Перед лицом сорока двух помощников он извлекает наше сердце и кладет его на весы. Если наше сердце легче пера Маат, богини истины, Осирис продолжает испытание. Мы убеждаем его, что не нарушали никаких запретов, что остались чисты. Мы заявляем: «Я сказал правду, я чист, я достиг совершенства, я помог страждущему, дал хлеба голодному, одежды бедняку в рубище, гроб безродному».

– А если кто солжет?

Они смущенно опустили голову. Мужчина с рябым лицом проговорил вполголоса:

– Мы загодя совершаем паломничества к Осирису, поскольку лишь те, кто ему поклонялись, заслуживают его внимания. Затем произносим определенные слова, читаем молитвы. Дабы снискать милость Осириса, можно также перечислить его имена: «Осирис Ун-нефер, Осирис живой, Осирис владыка жизни, Осирис владыка мира, Осирис хранитель зерна, Осирис владыка вечности, Осирис хранитель берегов, Осирис властитель, Осирис в небе, Осирис под землей...»

Я отошел подальше от этого благочестивца, боящегося упустить какое-нибудь из имен бога.

Отчалив и выведя лодчонку на стрежень, я начал лучше понимать, о чем писала Нура в своем послании: наше приключение переросло в легенду, и, что еще серьезнее, эта легенда породила религию. До сих пор боги и богини были подчинены ходу времени, но теперь люди впервые заговорили о бессмертном боге и стали рассуждали о потусторонней жизни с уверенностью.

В краях моего детства после кончины душа переселялась в новую оболочку, воплощаясь в синицу, медведя, дерево или скалу... Это было первым шагом к окончательному исчезновению, душевные особенности не сохранялись вечно: воспоминания, достоинства и недостатки с каждым новым метемпсихозом угасали. Не только наше тело разлагалось в гумусе и служило пищей молодым организмам, распадалась и наша душа. Речь скорее шла о рециркуляции, чем об увековечении.

В Стране Кротких вод, в Кише и Бавеле, люди посмертно истаивали в серые пылевидные тени, а те в конце концов рассеивались – кроме бедняг, коим не посчастливилось быть захороненными как подобает: эти не признанные смертью, неприбранные отщепенцы, терзаемые злобными демонами, валялись на улицах. Но большинство людей разделяли представление об обретенном посмертно мире, а редкие случаи бессмертия считались несчастьем.

В Египте было совсем иначе: захоронение тела не означало его исчезновения, но готовило к переходу в другой мир; в теле переносилась душа, и жизнь продолжалась.

Но не покоился ли этот символ веры на недоразумении? Может, прибрежные жители украсили нашу с Нурой историю, приспособив ее для своих религиозных нужд? Да, нам выпала счастливая доля, мы бессмертны, но знаем лучше всех, что остальные смертны. Кажется, мы их обольстили иллюзией? Следует ли нам считать себя виновными в том, что случилось это противоестественное обобщение?

Однако тягу к посмертной жизни внушили им вовсе не мы. Напротив. Жители Нила желали ее так страстно, что ухватились за нашу историю и окружили ее чудесным ореолом. Они просто воспользовались случаем. Мы с Нурой не виноваты!

Вечерело. Вокруг меня движение по божественной реке оживилось. По количеству перевозивших товары фелук, по веренице роскошных домов, по клубящимся тучам голубей я понял, что приближаюсь к городу.

Внезапно путь мне преградило препятствие. Длинная красная ладья, оснащенная не только множеством парусов, но и рядами весел по каждую сторону – слаженное движение последних придавало судну сходство с гигантской сороконожкой. На палубе, невзирая на ветер и качку, уверенно стоял стройный человек с точеным профилем, увенчанный странным белым головным убором, возвышавшимся над красной короной; он жадно всматривался в закатное зарево умирающего дня, чутко и умиротворенно впивая оранжевые лучи солнца – так греются у очага. Магия сумерек все окрашивала в янтарь – солнце, судно, паруса и пассажира в богатом облачении; с горизонта текло золото и осеяло волнистым великолепием все, что стремилось ему навстречу.

Рядом с моей лодчонкой покачивался рыбацкий челнок; заметив мое ошеломление, его хозяин шепнул мне:

– Это фараон!

Ну и зрелище! Согласно текстам, по которым я изучал вместе с писцом иероглифическое письмо, фараон был потомком бога Ра.

Рыбак тронул меня за руку и указал вдаль.

– Он отправился посетить свою гробницу.

Я увидел необычную треугольную постройку немислимых размеров, гору правильной геометрической формы, тоже залитую закатным золотом. Эта усыпальница была самой странной, нелепой и невероятной из всех, что мне довелось повидать.

Часть вторая. В лапах Сфинкса

Интермеццо

Счастье мимолетно, упускать его нельзя.

Ноам пытался его ухватить. Прогноз погоды был на его стороне. Могло показаться, что свет – изобретение скандинавского июня: компенсируя недостаток солнца большую часть года, он победоносно обрушивается на вас – яркий, восторженный, почти невыносимый. Он расточает хмель, от которого мошकारа веселится напропалую, птицы голосят во все горло, рыбы поднимаются к поверхности погреть чешую, люди танцуют и пьют пиво.

А Ноаму, заплутавшему в лабиринте своих мыслей, это было не в радость. Какая досада! Казалось бы, все располагало к наслаждению: то и дело на него внимательно взглядывала Нура, она была в легком платье, с бокалом фруктового сока; каждая улыбка Бритты казалась ему подарком издалёка, блаженной передышкой; за ними расстилалась лазурная скатерть без единой складки – озеро Сильян, так напоминавшее пейзажи его детства. Панорама была окрашена в три цвета: синева вод, зелень деревьев, красный цвет крыш – а небо ушло в белизну летней дымки. На галечном пляже вдоль всего деревянного пирса стройные молодые люди подставляли солнцу бледные руки и ноги, изнеженные зимней одеждой. В прибрежном кафе пожилые пары делали осторожные шаги танго. Царило всеобщее согласие. Человечество больше не воевало со стихией, оно ее почитало, доверяло ей. Все стало игрой, соучастием, радостью.

Ноама изводили жуткие картины прошлого, они всплыли в памяти, после того как байкер в маске бросился на Бритту: Сет, удары Сета, наносимые Сетом раны, его безучастный жесткий взгляд, окаменевшее сердце. Так и маячил его страшный силуэт с мордой трубказуба. Эти настороженные уши, заостренная физиономия, удлинённый глаз, раздвоенный хвост, этот лук и стрелы неотступно вертелись в его черепной коробке. Что за наваждение? По прошествии стольких тысячелетий этим жутким чертам следовало бы уже померкнуть в его сознании. Тем более что до сих пор его здоровая психика освобождалась от травмирующих воздействий.

Ноам встряхнулся, плеснул себе помрольского вина. Террорист в закрытом шлеме взорвал шкатулку воспоминаний: ненависть, месть и жестокость сталкивались, набрасывались на Ноама. Дерек отправил наемника для нападения на Бритту. Только на нее? Возможно, этот монстр чувствовал, что Нура где-то поблизости, а может, с ней и Ноам?

Он глотнул вина, и аромат на миг приглушил тревогу. Какое чудо! Вспоминая крепкие, мутные, невыразительные напитки, которые он поглощал в течение долгих веков, Ноам благословил время, когда этот нектар из Бордо достиг Швеции.

Свен вышел из озера, отряхнулся, попрыгал с ноги на ногу, чтобы вытряхнуть из ушей последние капли, подошел к компании. Крошечные облегающие плавки, на грани приличия, резко контрастировали с его обычной одеждой и были далеки от нынешней моды, ибо она предписывала купальщикам напяливать широкие длинные трусы, которые пузятся и стоят колом. Ноама его возвращение не обрадовало. Теперь он знал, что у этого антиглобалиста под одеждой: стройное сухопарое тело с выпуклыми мускулами, эффектно подчеркнутыми светлым пушком. Свен был красив, и об этом не подозревал, что делало его неотразимым. При виде его жена и дочь так и засияли. Ноам обзлился.

Свен устроился рядом с ними. Он был в восторге от своего заплыва кролем.

– Бодрит! При семнадцати градусах хочешь не хочешь, а плывешь!

Он выпалил это в лицо Ноаму, будто тот должен немедленно броситься в воду, потом повернулся к Бритте:

– Нырнем в морские глубины?

– Нырнем в озерные, папа!

Отец с дочерью ударили по рукам, понимая друг друга с полуслова. И пошли брать напрокат гидрокостюмы, ласты и баллоны.

Как только они скрылись, Нура посмотрела Ноаму в глаза и прошептала:

– Ты его ненавидишь, да?

– Ну что ты! Он... очень... представительный.

Она рассмеялась.

– Ты бы хотел этого не знать?

– Когда узнаёшь, становится тяжело.

Она склонилась к нему.

– Он прекрасный любовник. Неторопливый. Нежный. Женственный до той минуты, пока не докажет, что он в полном смысле мужчина.

Ноам закрыл глаза. Это признание было ему как кость в горле. Что за игру затеяла Нура? Он в лоб спросил:

– Нура, кто родители Бритты?

– Свен и я.

Она протянула Ноаму свой телефон.

– Вот фотографии моих родов.

Не глядя на них, Ноам усмехнулся:

– Ты не впервые устраиваешь подобную инсценировку. Помнишь, с Авраамом...

– Но посмотри: либо я мать Бритты, либо мне причитается «Оскар» за режиссуру.

На экране замелькали снимки, жесткие, точные, достоверные, не допускавшие никакого сомнения. Нура удовлетворенно забрала телефон.

– Как ты?.. – начал было Ноам.

Его оборвали крики, донесшиеся из-за торговых палаток. Отдыхающие тревожно завертели головами.

Ноам и Нура вскочили, подхлестнутые одним и тем же страхом. Они бежали, оглябая бювет, магазин пляжных принадлежностей, ангар с сапбордами, и мчались к перекрестку, откуда неслись вопли, плач и причитания. И чем они были ближе, тем больше боялись того, что им предстоит увидеть.

Бритта лежала в канаве. Она была в крови, руки и ноги неестественно раскинуты.

Возле дочери, находящейся в бессознательном состоянии, на коленях рыдал Свен:

– Этот байкер... влетел на полной скорости! Сбил ее! Она упала. Мерзавец совсем озверел и еще несколько раз бросился на нее... Я подскочил, а она уже без сознания.

Ноам подбежал, склонившись над Бриттой, он различил слабое дыхание.

– Она еще жива...

Родители судорожно выдохнули; это был вздох облегчения, и Ноам удержался, не закончив фразу: «но ее раны несовместимы с жизнью».

* * *

Мир раскололся надвое: мир внутри больницы и мир вне ее стен.

Внешний мир кипел возмущением. Новость облетела планету, и все массмедиа хором кинулись обличать покушение на икону, которую внезапный статус жертвы оградил от всякой критики. Посвященные Бритте репортажи, специальные документальные передачи наперебой расхваливали ее не по годам развитый ум, ее речи, твердость, неподкупность и непреклонность. До сих пор зыбкая популярность девочки маячила в пене злободневных волнений, теперь же она обрела исторический размах. Внезапное несчастье превратило ее жизнь в судьбу.

В редкие моменты, когда Ноаму и Нуру доводилось включить телевизор или радио, заглянуть в газеты, они замечали ореол легенды, который начинал светиться вокруг Бритты, и вспоминали о своей давнишней знакомой пастушке, Жанне д'Арк: эта юная девушка, получив откровение свыше, возглавила армию, чтобы изгнать из Франции англичан.

А в больнице все застыло. Полицейские тщательно осматривали на входе посетителей, проверяли бейджи санитаров, охраняли палату Бритты и весь этаж, но вся эта бдительность ничуть не упрощала задачи, стоявшие перед командой медиков. Бритту держали в состоянии искусственной комы, операции шли одна за другой, но ухудшение ее состояния требовало все новых и новых вмешательств. Количество разрывов уменьшилось, раны зарубцевались, кровотечение было остановлено, однако прогноз оставался сомнительным: некоторые органы – печень, почки, селезенка – были разорваны или раздавлены. Свен и Нура предлагали отдать на трансплантацию свои органы, но слишком ослабленный организм девочки не выдержал бы трансплантации.

Во внешнем мире Бритту уже похоронили. В больнице сражение за ее жизнь продолжалось.

Ноам унял ревность к Свену и гнев на Нуру. Он стал их сообщником.

В этом исключительно серьезном случае его талант целителя оказался бессилем. Но в силу темперамента Ноам не мог сидеть сложа руки, и потому, оставаясь зачастую один, он днями и ночами знакомился с последними медицинскими достижениями. Свой тысячелетний опыт он хотел обогатить новейшими знаниями.

Ему, несмотря на живость ума, трудно их усвоить. Его ошарашивало ускорение прогресса науки. В прежние времена для подтверждения гипотезы важна была продолжительность ее испытания, и, пока делался маленький шаг, сменялись поколения. Нынешняя наука развивалась молниеносно, получая за несколько лет результаты, на которые раньше уходили века.

Еще у него складывалось впечатление, будто прогресс стал в некотором роде автономным. Не важно, кто и как ищет! Прогресс отделился от личности исследователя и неумолимо двигался вперед. Если данная лаборатория в Лондоне не совершит определенного прорыва, то в работу впрягутся лаборатории Токио, Детройта, Штутгарта или Пекина. Наука освободилась от ученого, усиливалась обезличиванием. Она полагалась уже не на исключительную гениальность, а на упорство конкурирующих коллективов.

Ноам не мог вынести бездействия и жадно впитывал новую информацию. От больничных новостей ему становилось совсем тошно.

В то утро главный врач доктор Густафсон пригласил Свена и Нуру в сопровождении Ноама к себе в кабинет, расположенный в конце белого чистого коридора, сдобренного для повышения тонуса мандариновым ароматом. Доктор был высок ростом, но усталость согнула его и сгорбила. Все уселись. Заговорил доктор не сразу:

– Малышка не сможет выжить с поврежденными почками, печенью и селезенкой. Едва ли стоит пытаться предпринять одну или несколько трансплантаций. Да и в каком порядке? Даже если предположить, что состояние пациентки это позволит, что ее организм выдержит шок, потребовалось бы несколько доноров, что увеличит риски отторжения. Мы уперлись в стену. Выхода я не вижу.

Лица Нуры и Свена побелели. В их отчаянной бледности были и безысходность, и протест: «Вот пустой итог наших надежд, вовсе не за него мы сражались, вовсе не такой исход виделся нам перед лицом каждой неудачи и помогал одолеть усталость и отчаяние! Так зачем? Все наши усилия оказались напрасными!»

Ноам поднял голову и сказал:

– Возможно, у меня есть решение.

1

Я был взбешен! Я превратился в сплошной комок гнева. Со дня моего появления в военной столице ярость кипела во мне и отравляла всякую радость.

Но Мемфис, сердце Египта, привлекал путешественников, прожигателей жизни, мечтателей и торговцев – их пленяло изобилие, удовольствия здешней жизни и величие архитектуры. Плотная сеть бесконечных лабиринтов напоминала изысканный спелый плод, аромат которого струится по улочкам и щекочет раздутые ноздри: ладан и мирра в храмах, запахи растущих возле домов раakitника, стиракса и резеды, текущая от прачечных мостков травяная свежесть, благодные флюиды высаженных на террасах жасмина и мяты, благовония проходящих по улицам модников и жрецов, манящий дух медовой выпечки, душное тепло наполненных зерном амбаров, едкий дым очагов, дымок топленого жира, кислый душок пива, а под этим пестрым букетом еще тяжелые вздохи Нила и неизменное дыхание пустыни.

И все же я проклинал Мемфис. Его величие лишь раздражало меня, чары города меня бесили. Я метался по веселым цветущим людным улицам и ворчал про себя, глядя на пеструю толпу: «Как вы смеете беззаботно разгуливать?» – бормотал при виде громадных храмов: «Зачем?» – брюзжал, разглядывая умопомрачительных колоссов из розового гранита: «Какое зазнайство!» Даже когда на моем пути высились святилища не меньше бавельских, я не поддавался удивлению. Как ни любознателен я был от природы, тут при виде чудес я то и дело хмурился.

Меня снедало возмущение. Я был недоволен, пресыщен и оскорблен, я был разлучен с самим собою... Ноам в Мемфисе оказался чужим не только этому городу, но и себе.

Гонимый необъяснимым бешенством, я до рассвета скитался по улицам и решил найти себе здесь какое-то пристанище. Постоялых дворов на любой вкус и кошелек было с избытком; я их облазил и всякий раз находил повод для недовольства: обшарпанность, мерзкая рожа хозяина, детские вопли, близость хлева, кабака, оружейной мастерской. Так я доплелся до городских ворот, за которыми лежала пустыня, и на закате покинул город.

Теплый ветер чуть шевелил листья пальм.

При ослепительном серебряном свете луны я миновал оживленные предместья, пересек заросли колючего кустарника и вышел к унылым пустынным просторам, где случайные встречи нежелательны.

Меня привлек странный силуэт на горизонте. Сначала мне показалось, что это холм, но по мере приближения я различил гигантский силуэт лежащей кошки.

То был Сфинкс. Смягченные тьмой контуры статуи выявляли существо с туловом льва и головой человека. Мне никогда не доводилось видеть такого колосса. На меня взирали его огромные глаза. Они невозмутимо следовали за каждым моим движением, пока я не встал прямо напротив.

Я пристально смотрел на него. Он – на меня.

О чем он думал?

Внезапно на меня снизошел покой.

Казалось, Сфинкс все знает, все понимает и все предвидит, хотя его сомкнутые уста давали понять, что он не вымолвит ни слова. Тайные размышления, сокрытые этой маской, исходили извне или даже из другого мира.

Здрав голову, стоял я меж округлых лап Сфинкса – крошечный рядом с ним, былинка у подножия пальмы – и беседовал с ним. Я задавал ему вопросы, его молчание было мне ответом, утешительное молчание, которым он облагал окрестные дюны, пустыню и спустившиеся к его хребту звезды.

Его умиротворенный взор меня очистил, я ему покорился. Я ощутил суетность своего бунта, безумств и вспышек недовольства; мое уныние – столь же жалкое, как и моя фигурка рядом с этой машиной, – развеялось.

Мы пристально смотрели друг на друга.

Он казался мне то львом, то человеком. Из-под боковых полотнищ его немеса чуть виднелись уши. Миролюбивый лик воплощал хищника, который никогда не взревет, существо, которое никогда не вскочит на ноги. Он был на рубеже, на границе. На грани между человеком и зверем. Между божеством и камнем. Между естественным и сверхъестественным. Между бытием и небытием. Между смыслом и не поддающимся осмыслению. О чем говорил этот лик, то ли с улыбкой, то ли с безразличием? Ни о чем – и о многом. Можно ли было назвать его невыразительным? Скорее, он выражал бесконечно многое.

Его двойственность пленяла, она пронизывала и землю, и небесный свод: я не знал, царила ли эта ослепительная луна над теплой ночью или над печальной зарей и пребываю ли я в прошлом, в настоящем или в будущем. Время застыло. Всю пустыню до самых ее зыбких окраин накрыла вечность.

Тут я понял, чем одарил меня Сфинкс: покоем, который нисходит лишь на того, кто прикоснулся к подлинной тайне. Сфинкс приобщил меня к важнейшей из загадок: загадке бытия. Почему я? Почему мы? Почему эта планета? Почему есть нечто, кроме пустоты? Сфинкс отвечал: «Есть!» Он свидетельствовал. Зачарованный и чарующий, он лежал в недвижимом упоении абсолютного присутствия здесь и сейчас, чистого утверждения жизни.

Я получил подтверждение того, что эта странная аудиенция подарила мне немного безмятежности: сраженный усталостью, я свернулся на песке между Сфинксовых лап и уснул.

Утром мой гнев вспыхнул с новой силой. Я вскочил как ужаленный и бросился в сторону облегчиться. Я мчался с набухшим членом наперевес, чтобы не обмочиться раньше времени, и краем глаза поглядывал на физиономию Сфинкса; стало понятно, что при свете дня его авторитет поубавился: обнаружилась кричащая раскраска великана и пустые глазницы, прежде скрытые ночной тьмой. Солнце вывело эту помесь на чистую воду, гибрид оказался кичливым размалеванным идолом. Ночью его благосклонная аура покорила меня, но утром я взирал на эту груду крашеного камня с превосходством.

Я повернул обратно к Мемфису. Солнечный свет поведал мне, что печальная пустошь, которую я пересек накануне, была отведена под могилы, бедные и богатые; покойные горожане укрылись под землей, и городская суета уже не могла потревожить их сон. Кучка работников рыла новую могилу, и скорбная семья стояла подле спеленутого тела. На скрещении тропинок валялся дохлый шакал, обсиженный мухами, и исходившая от него вонь напомнила мне, что я давно не мылся.

Скорее, скорее к Нилу!

Не доходя до городских ворот, я забрался в кусты на задах каких-то невзрачных построек, разделся под пальмами, прошел сквозь заросли тростника и окунулся в воду.

Под безупречно синим небом Нил еще дремал. Вдали вверх и вниз по течению скользили барки. По берегам горожане предавались неторопливому и тщательному омовению.

Неподалеку от меня медленно входил в реку обнаженный юноша. Он был восхитителен. Нечасто доводилось мне видеть столь идеальную мужскую красоту: нежные широкие плечи, узкая сильная талия, округлые бедра и ягодицы – то было спокойное изящество прекрасного египтянина, какие изображены на стенах храмов и дворцов. Его матовая, чуть золотистая кожа была столь совершенна, что я уподобил ее творению кисти большого мастера. Чувственные полные губы оживляли благородный профиль с чертами редкой чистоты. Он шел вперед бесстрастно и беспечно. Его чуть прикрытые, мечтательные удлиненные глаза были обращены к восходящему солнцу и впитывали его мягкий свет. Он ни на что не смотрел, но позволял смот-

реть на себя – светилу, реке и воздуху. Не ведая высокомерия, он просто знал, что хорош собой, упивался этим и наслаждался, даруя миру свою красоту. Войдя в воду до пупка, подчеркнутого треугольником темного пушка, он развязал узел волос на затылке, встряхнул головой и рассыпал темные шелковистые волосы. Облегченно вздохнул, будто снял последнюю одежду, без единого брызга скользнул в реку и неторопливо поплыл в единении с водой, растворяясь в ней.

Пока я мылся, меня вновь охватило смятение. Что делать? Где? Зачем? Я не только не понимал, как устроено это общество, но и не испытывал ни малейшего желания в него вписаться. Зачем мне его завоевывать, если оно мне безразлично?

Я еще плескался, когда юноша вышел из воды поблизости от меня.

– Здравствуй, меня зовут Пакен, – прозвучал мелодичный голос.

Он прошел мимо, ступил на берег, мелькнули его стройные икры, и он скрылся в кустах.

Он ко мне обратился? Он обратился ко мне? Но он не замедлил шага, не взглянул в мою сторону, не дождался ответа. Исчез с полным безразличием. Я растерянно подумал, что прозвучавшие слова – игра моего воображения...

И я устремился в Мемфис Великолепный. Прислушиваясь к пульсу этого города, я определил положение своего недуга: он находился не в Мемфисе, а гнезвился во мне самом. Нура лишила меня смысла существования: стремиться к ней. Жить вдали от нее, не зная, каким воздухом она дышит и куда направляется? Не пытаться ее отыскать, не обращать к ней своих мыслей, не посвящать своих действий? Таково ее требование. И зачем было покидать священный остров! Здесь или там, какая разница. Я лишен ориентира, мне не избавиться от тоски. Конечно, я мог убежать, но любое место назначения отныне для меня опустело...

Я застыл в изумлении: по главной улице Мемфиса возвращались с обхода дозорные, они двигались верхом на лошадях. Я глазам не поверил. Лошади? Во времена моего детства эти гордые выносливые дикие животные никогда не приближались к нашему племени, да и мы к ним не приближались. Нам и в голову не приходило, что с ними можно ужиться. Смельчаки иногда охотились на эту дичь, особенно на пороге зимы, ведь лошадиная туша давала изрядный запас мяса; отловить лошадь было непросто, и ее сразу забивали: охотников пугал ее огромный вес и пылкий нрав, громкое ржание, нервные поджилки и страшные копыта. На моей памяти только Охотницы из Пещеры, жившие по своим законам, пытались их приручить²⁷.

Кортеж приближался. Я отшатнулся. Меня напугал сухой и звучный грохот копыт по единственной мощеной главной улице; они цокали, стучали, молотили. Темные зрачки строптиво мерцали, с морд срывались клочья пены, и я отпрянул в страхе, как бы этих чудовищ не швырнуло в мою сторону.

Дозорные восседали на массивных крупах, ноги раскачивались в пустоте, в руках они сжимали веревку со скользящей петлей, уходящую под грудь гигантского четвероногого; когда требовалось остановиться, этой веревкой сдавливали шею животного, провоцируя удушье. Чтобы направить лошадь, постукивали ей палочкой по голове, но не с той стороны, куда надо свернуть, а с противоположной. Такое укрощение казалось мне ненадежным. А что, если животное вдруг догадается, что оно гораздо сильнее всадника? На лицах уличных зевак я заметил подобное недоверие и понял, что миссия этой кавалькады – запугивание народа, демонстрация нерушимой власти, что весьма благотворно для поддержания общественного порядка.

После этой интермедии мое настроение, и без того мрачное, лишь ухудшилось. Как я ни старался осмыслить и обозначить свое отчаяние, оно оставалось незыблемым. Но мой характер не позволял мне подолгу предаваться печали, и она превратилась в озлобление. Я не мог от него избавиться до вечера. Ничто не могло меня развлечь: ни роскошные кварталы, ни религиозные – светлые, просторные, симметричные, отлично проложенные по чертежу архитектора, одобренному фараоном; ни простонародные кварталы, застроенные как попало и представляв-

²⁷ Об этом я рассказал в своих воспоминаниях о временах неолита («Потерянный рай»).

шие живописное сплетение узких кривых улочек, куда не проникал солнечный свет. Торговцы расселялись по улицам в соответствии с их товаром: тут горшечники, обувщики и краснодеревщики, там вышивальщики, стекольщики и оружейники, еще дальше продавцы плетеных циновок. Я презрительно оглядывал их крошечные жалкие лавчонки, но если бы передо мной тянулись ровные изобильные ряды дорогого товара, я не меньше насмеялся бы и над ними.

В сумерках я покинул Мемфис и углубился в пустыню. Поднялся ночной бриз. Конечно, я направился к холму, похожему на лежащую собаку.

Сфинкс встретил меня легкой улыбкой. При серебряном лунном свете он уплотнился, подобрался, сосредоточился, он был дружелюбен и расположен к диалогу.

– Что мне делать? – бесцеремонно спросил я.

Некоторое время у него ушло на то, чтобы погасить своей каменной массой внезапность моего вопроса, после чего я услышал прозвучавший в моей черепной коробке ответ:

– Кто мешает тебе любить Нуру?

– Дерек!

– Ну так займись Дерекком.

Я застыл с открытым ртом. Заняться Дерекком? Хотя я и понял, на что намекает Сфинкс, мне нужно было освоиться с этой мыслью.

– Заняться Дерекком, – пробормотал я, – то есть...

– Нейтрализовать его.

– Но он бессмертен.

– Нейтрализовать – значит убить не окончательно, а на некоторое время. Провести эксперимент с медленным возрождением, ты же понимаешь, о чем я. Если ты заставишь Дерекка восстанавливаться долго и трудно, в твоём распоряжении будут несколько веков с Нурой.

– Да, понимаю...

– Раз Дерек похищает у тебя Нуру, похитить Дерекка.

Сфинкс замолчал, а я погрузился в напряженные размышления. Я стоял, опустив голову, сердце бешено колотилось, ладони вспотели. Вывести Дерекка из игры? Нашинковать его помельче, чтобы отсрочка была побольше? А Нура согласится? Если она любит меня не на словах, то простит меня и обрадуется. И мы будем вместе, и никто нас не разлучит. Любовь сильнее смерти, сильнее злой судьбы...

Я решил: я уничтожу Дерекка.

Я вскинул голову. Сфинкс²⁸ был доволен моим решением и смотрел на меня благоклонно.

Обретя точку опоры и смысл жизни, я свернулся калачиком у Сфинксовых лап и уснул.

Назавтра я по-прежнему кипел гневом, но старался повернуть его в нужное русло: направить к своей цели и использовать как источник энергии. Я проснулся вместе с солнцем, которое, не затрудняя себя прологом, мгновенно вспыхнуло на горизонте, и долго ходил в раздумьях вокруг Сфинкса. Сначала найти Дерекка. Потом его казнить. И наконец, отыскать Нуру. Я уже томился в ожидании третьего этапа...

Но где искать Дерекка, кому он отравляет жизнь? Вернулся ли он в Страну Кротких вод? Это казалось мне невероятным после полного крушения его царства в Бавеле. Я уже не представлял себе его главарем кочевников, скрывался ли он под именем Сета или иным, поскольку рядом с новой цивилизацией, расцветшей на берегах Нила, пустыня утратила свою привлекательность. Возможно, он обретается где-то неподалеку, набирая силу и обрастая богатством, в Египте, а может, даже и в Мемфисе, столице двух царств. Во мне крепла убежденность, что вскоре я его выслежу.

²⁸ Мемфисского Сфинкса сегодня нет. Как и большинства городских построек. Не следует его путать со сфинксом в Гизе, тот еще больше; он тоже навеял мечту – Тутмосу IV.

Прежде чем отправиться в город, я спустился к реке помыться. Под кобальтовым небом белые паруса казались птицами, расправившими крылья. Когда я сложил одежду на камень и начал спускаться сквозь тростники, передо мной возник вчерашний красавец, все такой же невозмутимый; он выходил из Нила, отбрасывая капли воды, будто ненужный шлейф. Струйки стекали по торсу, подчеркивали его стать, абрис плеч и груди, узкие бедра, нежную линию живота. Он уверенно поднимался к берегу с легкой и спокойной торжественностью, будто земля распласталась перед ним, превратившись в удобный пандус. Его таз чувственно покачивался, но женственности в том не было. Все в его манере держаться говорило: «Да, я великолепен», но это было утверждением очевидности, а не бахвальством.

Он шел ко мне, не обращая на меня никакого внимания. Вчера я обманулся: мне послышалось, будто он меня поприветствовал и представился Пакеном. Ожидая, пока он пройдет мимо, я прищурился и отвел глаза.

В последний момент он коснулся меня плечом. Я вскинул на него глаза и успел заметить, как он мне подмигнул. Я развернулся, но увидел, что он невозмутимо и отрешенно продолжил свой путь и скрылся в кустах.

Мне снова померещилось? Невероятно... Один раз, но не два же! Его глаза блеснули любопытством. Он подмигнул? Он ведь мне подмигнул? Ну нет, мне снова показалось. Какая неловкость! Этот парень отвлекал меня, я не желал о нем думать. Да и что он мне! Меня смущало мое смущение. Меня поразила его красота, но досадно мне было не из-за нее. Задела меня скорее его задорная самоуверенность и непререкаемая чувственность, эта аура плотской дерзости и сладострастия, излучаемая им. Как большинство мужчин, я замечал мужскую красоту, подчас любовался ею, но она меня не притягивала. Меня никогда не искушало мужское тело. На сей раз, хоть я и остался холоден, его пантомима бесцеремонного обольщения с эротическим душком меня сконфузила.

«Дерек! Не отвлекайся, думай о Дерек!»

Звук этого имени мигом вышвырнул красавчика-пловца из моего сознания, и я быстро закончил омовение.

Едва я миновал городские ворота, как попал в самую гущу толпы. Переполненные улицы пестрели всеми оттенками кожи, от молочно-белых до бронзовых и иссиня-черных, и всеми расцветками нарядов, тут были и жители Мемфиса в светлых и неброских одеждах, и чужестранцы в пестром платье, и солдаты в сверкающей униформе, и жрецы в шитых золотом нарамниках, и бедняки в блеклых набедренных повязках. Я смотрел на горожан: они быстро двигались, не задевая друг друга локтями; никто ни на кого не заглядывался, тем более на незнакомцев, все занимались своим делом; все знали, куда они идут, – все, кроме меня.

Бродя по улицам, я вынашивал план действий. Мне следовало наладить связи, чтобы узнать, кто в городе имеет власть или состояние, кто тут правит бал: несомненно, среди них должен быть и Дерек.

Я остановился перед святилищем бога Птаха. Праздные прогулки среди бегущей толпы не помогут мне влиться в общество, я останусь на его обочине. Как в него проникнуть? Конечно, я мог прибегнуть к своему дару целителя, как и прежде: никакое занятие не понижает лучше все этажи общества; но эта возможность меня угнетала. Если я снова примусь лечить, я снова буду привязываться к пациентам, втягиваться в их горести, бороться с несправедливостью, разоблачать безобразия, изнашивать тело и душу, постоянно сталкиваться с болью, накапливать больше поражений, чем побед, бесконечно закрывать глаза умершим, слышать во сне предсмертные крики. Нет, ни за что не стану мемфисским целителем!

Я умирал от голода. За последние два дня я сжевал несколько травинков. Но как причудливо изменился мир! Теперь невозможно просто жить на лоне природы, ведь отныне поля, луга, овцы, козы и быки принадлежат земледельцам. Если хочешь выжить, займай свою ячейку

в этом огромном улье. Медлить нельзя. Скорее, скорее занять какое-то положение, иначе мне ни одеться, ни обуться, ни добыть пропитания.

В полдень меня осенило: писец! Я продам свой талант писца. Не напрасно же меня обучал старик на комарином острове... Эта перспектива обрадовала меня и рассеяла хандру.

Но надежды скоро рухнули. Весь вечер все мои попытки заканчивались провалом: как только я понял, что в храмах писцы уже есть и ловить мне там нечего, я заметил, что меня не принимали там, где для меня была работа, и принимали там, где работы не было. В тех редких случаях, когда мне позволяли продемонстрировать свои познания, на меня смотрели с недоверием и спрашивали, в какой школе я учился, у кого работал и хмуро намекали, что рекомендации весьма желательны.

– Ну какой вы писец, у вас неподходящее лицо! – заявил директор арсенала, выпроваживая меня за дверь.

У меня сосало под ложечкой и во рту пересохло, когда я вернулся к святилищу Птаха. У входа гудел рой калек, они кидались к каждому входящему. Один безногий метнулся ко мне, упираясь в подпорки жилистыми обветренными руками.

– Отдай мне твои ноги! – крикнул он.

– Я не могу.

– Ну дай хоть что-нибудь. – И протянул руку к моей.

– У меня нет ничего, – со стыдом признался я и отвернулся.

В нескольких шагах была скамейка, и я без сил рухнул на нее. Беззубый старец умоляюще прошамкал:

– Дай мне твою доброту.

– Я не могу.

– Тогда докажи ее и дай что-нибудь.

На сей раз я не ответил и убрался от них подальше. Хитроумие, с которым страждущие формулировали свои просьбы, меня не возмутило – оно меня потрясло. Сколько отказов пришлось им проглотить, чтобы так отточить свою изворотливость? Нищета превратила их в затейников.

А мне удавалось прокормиться не лучше, чем этим нищим, да и то разве что подобрал с земли раздавленный фрукт или надкушенную лепешку. Меня ожидала собачья жизнь.

Вечерело. На медном горизонте обозначились стройные силуэты пальм. Жалкий и голодный, я покинул Мемфис, пересек бесконечное кладбище и потащился к Сфинксу.

Пожалел ли он меня? Он принял меня без единого слова и указал на мой отпечаток в песке, между своих лап. Я юркнул в него, чтобы поскорее забыть этот обманувший надежды день.

Утром меня разбудил острый голод, мне скрутило кишки, разыгралась мигрень. Чтобы обмануть его, я пытался заснуть, но лишь понапрасну крутился и вертелся с боку на бок под аккомпанемент урчания в животе.

Я поплелся нога за ногу, пробираясь между могил к берегу Нила. Не раздеваясь, я нагнулся и стал жадно пить в надежде, что, утолив жажду, я заглушу и голод.

Я стоял, склонившись над водной поверхностью, и тут по моей спине побарабанили чьи-то пальцы.

– Здравствуй, меня зовут Пакен.

Я обернулся.

Он внимательно смотрел на меня; сегодня на нем была туника, подпоясанная кожаным поясом с заклепками, на ногах красовались сандалии со шнуровкой.

– Что-то не так?

Его участие так контрастировало с прежним безразличием и было так кстати, что я размяк.

– Я голоден.

– Как мы все, – вздохнул он.

– Чуть больше. Я не ел три дня.

– Неужели? – нахмурившись, прошептал он.

Не помню, когда я чувствовал себя таким слабым и жалким. Еще позавчера во мне кипела ярость, но со вчерашнего дня перед лицом многих неудач мои жизненные силы иссякли.

Он протянул мне руку.

– Пойдем. Я знаю прекрасную кондитершу, приглашаю тебя.

Я вцепился ему в руку, ощутил ее живительное тепло и встал.

– Кстати, меня зовут Пакен. – Он произносил свое имя с восторгом, будто находил его достойным особого восхищения. – А тебя?

– Ноам.

Его брови взметнулись.

– Ноам? Никогда не слышал.

Я пожалел, что ответил искренне. Почему было не назваться каким-нибудь вымышленным именем, как раньше? Он промурлыкал:

– Ноам... Ноам... Ноам... Отлично подходит для того, что я тебе предложу.

– О чем ты?

– Потом узнаешь. Сначала тебе нужно подкормиться.

Пакен нырнул в душистую тьму хлебной лавки и крикнул хозяйке:

– Самое лучшее для моего друга!

Мы сели на скамейку у двери. Тотчас возникла маленькая усердная брюнетка с деревянным блюдом, полным пирожков, аппетитных с виду и наверняка дивных на вкус. Тут были и овальные, и витые пирожки, и трубочки, а пеклись они из муки с ореховым привкусом, которую делали из чуфы; кухарка разнообразила их начинкой из фиников, изюма, сыра или меда, а то присыпала сверху зернышками аниса, мака, тмина или фенхеля.

– Какие тебе больше нравятся? – ласково спросил Пакен, схватив треугольный пирожок с ягодами можжевельника, пока я уплетал все подряд. – Жареные или печеные?

Я торопился поскорее набить желудок и не знал, что отвечать. Он понял это, улыбнулся и сам ответил на свой вопрос:

– А я обожаю жареные. – Он выбрал еще один, с наслаждением его прожевал и добавил: – Ну, ешь, не буду тебе мешать.

Он прислонился к стене, обратив лицо к солнцу. Я для него больше не существовал, и это меня вполне устраивало, я мог набивать брюхо без зазрения совести.

Когда мое чавканье затихло, он открыл глаза и убедился, что я насытился.

– Ноам, я не буду приставать к тебе с расспросами, откуда ты родом, от чего бежишь, что пережил, не стану вызнавать подробности твоих злоключений. Мне достаточно того, что я и сам вижу: ты в нужде и не знаешь, как из нее выбраться. Это так? Скажи, да или нет?

– Да, – отвечал я, довольный, что избежал объяснений.

– У меня для тебя кое-что есть. Работа. – Он откинулся назад и задумался. – Ну, я сказал, работа... но вернее сказать... занятие.

Он разговаривал не столько со мной, сколько с собой, возражал себе, комментировал свои слова.

– Несомненно, занятие приятное... оно принесет хорошие плоды.

Он усмехнулся, и мне показалось, что он обо мне забыл. Его правая рука нащупала собранные в пучок черные блестящие волосы, убедилась, что они в полном порядке. Потом она занялась предплечьем левой руки, медленно и чувственно размяла его. Казалось, что для

Пакена не было на свете ничего более упоительного, чем ласкать Пакена или ощущать ласки Пакена.

Он наклонился ко мне:

– Это мое.

– Что?

– Работа... это занятие...

Меня сбивала с толку его манера говорить намеками, странная прерывистость нашего общения, но я постарался откликнуться:

– Тебе это удастся.

– Что ты имеешь в виду? – воскликнул он.

– Ты кажешься счастливым.

Он загадочно улыбнулся и потер верхнюю губу об нижнюю: казалось, он сам себя целует. Я замороженно наблюдал за его поведением, но меня тревожила чувственность, которую он во мне будил. Это меня смущало.

Он оглядел меня с головы до ног.

– Сегодня утром ты поздно пришел на берег Нила, и я помешал твоему омовению. Для того занятия, которое я тебе предлагаю, слишком чистым быть невозможно. Так что советую тебе вернуться к реке.

– Что бы хочешь сказать?

– Вернись и выкупайся. Ну и возьми с собой эту коробочку с древесной золой и почисти как следует зубы: отменное средство!

Он прислонился к стене, закрыл глаза, обратил лицо к солнцу, позаботившись о том, чтобы была освещена вся его нежная сильная шея. Он все еще был наедине с собой.

Я пошел вдоль берега, увидел свое прежнее место, разделся, сложил на камне одежду и окунулся в воду.

На сей раз я старательно растер кожу и почистил зубы, а затем вволю наплавался, расслабляясь в волнах, нежась в теплой воде и щурясь от утреннего солнца, мягко ласкавшего кожу. Мое сытое естество испытывало незамутненную радость жизни.

Я вернулся к зарослям тростника и увидел на берегу Пакена; он меня разглядывал.

– Ты красивый, – ровным голосом произнес он, почесал в затылке, будто взвешивая приговор, и подтвердил: – Ты красивый. Да.

И сами слова, и эта настойчивость привели меня в замешательство. Я высокомерно проворчал:

– К чему это замечание?

Он расхохотался. Меня все больше раздражала его манера общения, это навязывание своего ритма, эти двусмысленности.

Я вышел на берег и завертел головой в поисках своего камня.

– Где моя одежда?

– Хм... я ее забрал.

– Что?

– Не сердись. Она тоже нуждается в хорошей чистке.

– Ты надо мной смеешься! Я не останусь в таком виде...

Его взгляд еще раз прошелся по моему телу, задержался на члене.

– Конечно нет. – Он достал из-за спины мешок и бросил мне. – Лови. Я принес тебе свои вещи.

Этот жест погасил мое возмущение. В общем-то, думал я, одеваясь, если его манера поведения мне непонятна, в этом больше виноват я, чем он. Он с раннего утра возится со мной и пытается мне помочь. И я не имею права на него сердиться. Мне не в чем его упрекнуть ни за слова, ни за поступки. Но я плохо понимаю происходящее. Почему он мне помогает?

– Почему? – выпалил я, продолжая вслух свой внутренний монолог.

– Что почему? – удивился Пакен.

– Почему ты мне помогаешь?

Он пожал плечами и промолчал.

Надев тунику, ниспадавшую великолепными складками, обувшись в сандалии, обвязавшись расшитым поясом, я с признательной покорностью нацепил золотистые браслеты и кольцо из пестрых камней. Это облачение показалось мне слишком вызывающим: побрякушки сияли немислимым блеском, туника со смелым вырезом обнажала мои бедра.

Но мое преображение восхитило Пакена. Он широко заулыбался.

– Неплохо, – промурлыкал он, покачивая головой, – тебя хочется раздеть.

Эти слова прозвучали как удар хлыстом. Мне снова сделалось не по себе, я оцепенел под его взглядом. Хватит с меня этих его интрижек, этого флирта с гнусным душком! Не позволю ему больше играть в эти игры. Я решил порвать с ним, поблагодарить за пирожки и заверить, что как-нибудь выкарабкаюсь сам.

– Послушай, Пакен, я...

Он прервал меня решительным жестом и встал.

– Идем, я тебя забираю с собой.

– Куда? – довольно агрессивно заупрямился я.

Он развернулся, подошел ко мне вплотную.

– Ты любишь женщин?

– Что? – опешил я.

Он коснулся меня всем телом, губами тронул мой рот, я услышал его дыхание.

– Зачем ты меня об этом спрашиваешь? – возмутился я.

– Потому что это необходимо. Или мы расстанемся.

Этот разговор двух глухих меня бесил, и я упирался. Пакен нахмурился и помрачнел:

– Ты любишь женщин – да или нет?

– Да.

Пакен расслабился, просиял.

– Вот и чудно! Ты напугал меня, я уж подумал, что ошибся на твой счет. Все хорошо.

И быстро зашагал в город, я едва поспевал за ним.

* * *

Заведение меня ошеломило. Оно резко отличалось от убогих лавчонок, которыми кишели торговые улицы: располагалось оно в квартале Птаха особняком, в нескольких шагах от храма, и занимало роскошный дом с четырьмя фасадами, небольшой дворец, к которому вела обсаженная сикоморами аллея. Двое охранников решали, кого можно впустить. Они почти-точно склонились перед Пакеном, и, когда дверь отворилась, в лицо мне ударила волна ароматов, пряных, мускусных, цветочных и фруктовых, – они были восхитительны.

По словам моего провожатого, тут можно было найти лучшие косметические средства, поскольку знаменитый парфюмер Падисечи устроил мастерскую как раз на здешнем заднем дворе.

– К нему идут со всего Египта, – уверял Пакен, – со всего света! Никто не умеет смешивать, сочетать и сохранять ароматы, как Падисечи. У него исключительный нос. Но здесь ты его не встретишь, он живет в другом месте. К тому же он часто отправляется в странствия на поиски редких цветов, неведомых смол и ценных древесных пород. Торговлю ведет Фефи, его бывшая жена. Они давно разошлись из-за несходства темпераментов, но работают вместе – их деловая связь оказалась более прочной.

Едва Пакен назвал имя, как к нам выбежала соблазнительная, довольно пухленькая говорливая женщина.

– Ах он, шалун, опоздал сегодня! Из-за него весь Мемфис плачет с самого утра. Ему невдомек, сколько слез мне пришлось осушить по его милости. Да я и сама была вся в слезах.

Она залиvisto рассмеялась, не скрывая театральности своего тона. Ее ухоженные иссиня-черные волосы были подхвачены лентами. Пакен приветственно махнул ей рукой:

– Ты перестанешь дуться, Фефи, когда увидишь, что у меня для тебя есть.

– Что он мне притащил, этот шалун? Ах, еще одного шалуна... И как его зовут?

Я понял, что она обращается ко мне и ждет ответа, когда на меня уставились ее фиолетовые глаза.

– Меня зовут Ноам.

– Какой он забавный! Ноам... Такого у меня еще не было. Ноам... А он согласен?..

В этот момент на пороге возникла матрона лет пятидесяти, в завитом парике и роскошном облачении; ее сопровождали четыре служанки. Фефи, будто застигнутая с поличным, шепнула нам на ухо, изображая испуг:

– Ой-ой-ой, покидаю шалунов. Нас осчастливила своим посещением ужасная госпожа Урнеру, хозяйка слоновой кости.

Фефи стремительно и грациозно развернулась и, вскинув руки, ринулась к клиентке:

– Как поживает наша драгоценная очаровательная подруга?

Фефи определенно обращалась к людям не иначе, как «он» или «она». Пакен мне украдкой улыбнулся.

– Заходи.

На стенах, покрытых цветными фресками с ритмичным чередованием пальмовых мотивов, были воссозданы сцены сельской или домашней жизни; зал был уставлен этажерками, представляющими парфюмерную продукцию. На каждой из них, перед плотно закрытыми флаконами, стоял образец: пробку можно было вынуть и продегустировать аромат. Я вдыхал поочередно запахи духов, кремов и притираний. Мои ноздри, изощренные целительской практикой, наслаждались чудесами и угадывали основной компонент: то извлеченную из фисташкового дерева живицу, то мирру из бальзамического тополя, то росный ладан из стиракса, то ирис, то майоран, то нежный голубой лотос, а за ними шафран, корицу и мед. И я отправлялся в странствие, улетал далеко от нильских берегов, в Сомали, в Эфиопию, в Аравию, откуда эти вещества были родом²⁹.

Что-то изменилось. Даже лучшие бальзамы и мази, которыми мы пользовались для ароматизации тела в прежние времена, оставались грубыми любительскими поделками. Мой дядюшка Барак перед любовным свиданием умащался медом, мать готовила кашицу из розовых лепестков и наносила ее на тело. В Стране Кротких вод я бывал во дворце царицы Кубабы и различал там лишь простейшие запахи ладана, сандала и мирры, но обычно их применение ограничивалось религиозными обрядами. Бесплотные, подобно богам, ароматы прославляли божественное – как и музыка, столь же бесплотная; их возжигали в храмах, верующие вдыхали – и вдохновлялись, прославляя божество и воспаряя к нему в облаке воскурений во время больших празднеств и ежегодных шествий.

В заведении Падисечи и Фефи, несмотря на близость святилища бога Птаха, ароматы разрабатывались также и на потребу мирян. Слушая, как Фефи расхваливает свой товар госпоже Урнеру и перечисляет названия: «Сладости Нила», «Сумеречные мечты», «Алая страсть», «Игривое утро», «Прозрачная чистота», «Единственная», я понял, что теперь стремятся не воспарить к божествам, а впечатлить смертных. Воспользовавшись духами, дама уже не про-

²⁹ Я использую современные географические названия.

славляла бесплотный мир богов, но претендовала на место в материальном мире; она источала финансовое превосходство или обольстительность³⁰.

Я вдруг почувствовал себя должником Пакена: я был бы счастлив работать со знаменитым Падисечи, я чувствовал, что на это способен. Но как Пакен догадался, что я владею наукой о растениях? Мне не терпелось расспросить его, я обернулся и с удивлением узрел, что он красуется перед важной матроной, а та явно имеет на него виды. Какое идиотское зрелище! Вопреки известным мне обычаям, она недвусмысленно давала понять, что выбрала его, бросая на свою добычу хищные взоры. Бедная жертва со странным смирением и покорностью залилась румянцем и опустила голову: Пакен согласился.

Матрона ухватила Фефи за плечо и что-то шепнула ей на ухо. Парфюмерша кивнула. Ловко ввернув две-три фразы, она оставила госпожу Урнеру и подошла к Пакену:

– Ну что, перекусишь – и к ней?

– Идет.

– Мужа не бойся. Она вдова и очень богата.

– Прекрасно. – Фефи скользнула по мне взглядом. – А он готов, он хочет?

И, не ожидая моего отклика, посеменила за охотницей, чтобы подтвердить свидание.

Пакен наклонился ко мне:

– Ты теперь понял?

Я напрямую спросил:

– Ты тоже товар?

Он заулыбался:

– Да. И предлагаю тебе присоединиться.

Я замотал головой, ошеломленный тем, что не увидел очевидного. Сначала я внушил себе, что Пакен хочет за мной приударить, потом – что он прочит меня на роль парфюмера! Я был поражен своим простодушием.

Он понял мое молчание иначе и пояснил:

– Сюда захаживают сливки общества. Здесь появляются только богатые, влиятельные женщины, которые отважно ведут свои дела. Или жены еще более богатых и влиятельных господ. Но выбор за тобой.

Меня заинтересовало упоминание кругов, близких к властям. Не здесь ли мне нужно искать Дерека?

Пакен продолжил:

³⁰ Что расскажет историю человечества лучше, чем история аромата? За несколько тысячелетий аромат совершил огромное путешествие: перешел с неба на землю, из неведомых далей в интимную сферу, от духа к плоти. Он сумел преодолеть эти барьеры благодаря своей летучести. И предстает нам загадкой. На то указывает даже имя «парфюм», происходящее от латинского *per fumum*, то есть «посредством дыма». И, даже получив имя, он по-прежнему неуловим, остается незнакомцем, бесплотным летуном, проникающим видимость. Он от нас ускользает. Так душистые травы и масла источают над огнем и возносят свои испарения. Поскольку тайна отсылала к богам, ароматы поначалу принадлежали к области сакрального. В Месопотамии и Египте они были привилегией культа. Утром смола, днем мирра, вечером кифи. Каждый день в глубине храмов воскурялся ладан и богам приносились дары. Жрецы уверяли прихожан, что боги питаются ароматами. Хоть они равнодушны к приношениям в виде мяса, фруктов и овощей, они поглощают испарения. Доказательством тому служит их исчезновение в облаках... И вот египтяне, под предлогом постижения религии, стали обрызгиваться ароматными эссенциями, поначалу для очищения себя и приближения к богам, затем для исцеления от болезней и ради обольщения. Жрецы не могли сохранить монополию на производство и применение ароматов, и парфюмерия проникла к мирянам. Это искусство покинуло небеса и проникло вглубь земли, туда, где погребали трупы, мумифицированные или нет. К тому же оно переселилось издалека в интимную сферу, женщины использовали косметику для соблазнения, мужчины применяли мази для ухода за кожей. Аромат был пособником духа, а стал союзником плоти. Все будущее развитие парфюмерии начало проявляться в Египте: она перешла от жреца к парфюмеру, аптекарю, художнику. За ручным производством угадывалась промышленность, за аристократической исключительностью – рынок роскоши, а за ним уже и массовое производство. Но разве история ароматов, несмотря на растущий успех и технические ухищрения, не стала историей крушения? Сегодня они утратили чары сверхъестественного, священного и целительного свойства и превратились просто в вещество. Хуже того: в нечто поверхностное. Аромат распыляют на кожу, с которой он, как ни старайся, улетучится. И все же он сохраняет свою главную особенность: он – носитель мечты. Не мечты о здоровье, о божественном или вечном, но о прекрасном.

– Ничего унижительного, напротив. Речь о том, чтобы просто-напросто быть мужчиной для женщин. Энергичные особы, слишком увлеченные своими делами, не успевают обзавестись партнером или же не хотят обременять себя постоянным любовником. А жены... слишком занятые мужья не уделяют им внимания. Я делаю их счастливыми. Какая радость! Я даю то, чего им не хватает. Я уверяю их, что меня соблазняют, а потом доказываю, что они меня возбуждают. Они преображаются: даже дурнушки в моих руках хорошеют.

Он спохватился:

– Зря я это тебе сказал. Не было ни одной, которая была бы мне противна. В каждой женщине есть женщина. – Он схватил меня за руку. – Я не могу удовлетворить все запросы. Есть у меня еще двое молодцов, Икемувередж и Энеб, они заменяют меня иногда или помогают мне, но рассчитывать на этих лентяев невозможно. Ты кажешься мне надежным, к тому же ты злишься.

– Я злюсь?!

– За эти три дня, на берегу Нила, я заметил, что ты в ярости.

Я отвернулся. Пакен был прав! Но как он заметил мою ярость, ведь он казался абсолютно безучастным? Его голос смягчился, стал чарующим, как флейта в нижнем регистре:

– Так ты согласен? Фефи забирает треть выручки: она привлекает клиентов, отбирает, организует встречи. Остальное твое.

– Я... никогда этим не занимался... ну... никогда не жил так...

– В чем сомнения? Робеешь проявить себя мужчиной? Быть любезным с дамами? Расплатиться за то, что было тебе даровано?

– О чем ты?

– О красоте.

Он стал поглаживать свои плечи и продолжил:

– Я красив, и это факт. Тут нет моей заслуги. Однако это обязывает меня к двум вещам: поддерживать свою красоту и делиться ею с другими.

Он прикрыл глаза и с полуулыбкой указал мне на изысканный домик и богатых клиенток:

– Я возвращаю дарованное мне. Разве это не прекрасно?

К нему вернулся покой, и лицо его осветилось. Меня изумила его самонадеянность.

– Ты правда считаешь себя подарком?

– Безусловно. Божьим даром. Подарком для женщин.

Его искренность была поразительна. Я обескураженно пробормотал:

– Я еще не встречал человека, который так любил бы себя.

Он серьезно посмотрел на меня и заключил:

– Согласись, было бы эгоистично пользоваться этим в одиночку.

– Чем?

– Собой.

С этими словами он развернулся и пересек зал. Этот тип меня озадачивал. Театральными были и его жесты, и его слова, но я не понимал, что руководит Пакеном, самодовольство или ум. Мошенник он или простак?

Он подошел опять, на сей раз вместе с Фефи, встал передо мной и объявил:

– Ноам согласен.

Фефи внимательно разглядывала меня, будто кусок мяса на базарном прилавке. При виде моей ладони она вздернула бровь.

– Какие забавные пальцы. Они срослись.

– Это фамильная черта, – отозвался я, демонстрируя средний и безымянный пальцы, соединенные перепонкой.

– Это не имеет значения; важно, что ногти в безупречном состоянии.

Уперев руки в боки, она пропела:

– Конечно, с виду он годится. Но...

– Но?.. – выкрикнул я.

Мое участие в деле смущало меня; вопреки утверждению Пакена, я вовсе не согласился, да и не собирался соглашаться: меня устроил бы лишь один вывод, что я не гожусь.

Фефи всплеснула руками и снова на меня уставилась.

– Ах, он не первый обманщик на этом свете.

Она ткнула в меня своим пухленьким пальчиком:

– Повидала я их на своем веку, пижонов, щеголей, верзил, самозванцев! Мало быть красивым, надо быть великодушным. Он меня понимает?

Я нерешительно скривился. Она обернулась к Пакену и хохотнула:

– Что толку иметь солидный инструмент, если он не готов служить.

Пакен хмыкнул. Фефи повернулась ко мне и объявила вердикт:

– Я не прочь его взять, но сначала испытаю.

Когда солнце над Мемфисом клонилось к горизонту, прозвучал удар гонга, означавший скорое закрытие заведения, и Фефи, весело сверкнув глазами, объявила мне, что мы скоро поднимемся к ней в комнату.

Не оттого ли у меня кружилась голова, что я весь день провел в этой лавочке? Волны запахов, обрывки разговоров, прикосновения женщин, смотревших на меня с вождением, толкавшие меня жрецы – это изобилие впечатлений меня опьянило. Мой мозг не выдерживал лавины ароматов и каскадов болтовни, которые его захлестнули. Ведь я пережил многовековую тишину. Я отвык от пересудов, слухов, сплетен и бесперебойного зазывания клиентов, тем более что непрестанно прислушивался к разговорам, надеясь выловить полезные для себя сведения, выйти на след Дерека. В этих словесных потоках всплывали в ореоле страха или уважения какие-то имена: великий визирь Ипи, фараон Мери-Узер-Ра, а также некто Имхотеп, роль которого осталась туманной. К тому же ожидание предстоящего мне сексуального перформанса то бесило меня, то лихорадило. Во мне боролись противоречия.

Чтобы привлечь ко мне общее внимание, Фефи сунула мне тряпку и махнула рукой на склянки с духами:

– Ну-ка! Шалун опускает голову, на дам не смотрит, занимается флаконами, нежно ласкает их, будто хорошенькие ножки красотики. Согласен?

Я подчинился. Вскоре эта уловка сработала: клиентки разом повернулись в мою сторону, впились в меня глазами – я сосредоточенно протирал флаконы, – подошли к Фефи и, поглядывая на меня, засыпали ее вопросами. Чтобы улизнуть от любопытных взоров, я выскользнул из зала, где помещались «дневные ароматы» и «ночные ароматы», и принялся протирать флаконы с «церемониальными ароматами» – здесь бродили жрецы, а женщин было совсем мало.

– Ну вот! – воскликнула Фефи, затворяя тяжелую резную дверь.

Она отослала продавщиц и двух охранников. Прислонилась к створке и стала меня разглядывать, облизывая губы.

– Надеюсь, этот шалун в случае нужды сгодится и будет иметь успех: все от него без ума.

Перспектива проверки, нагнетание обстановки не могли меня не беспокоить. Но я решился. Фефи это заметила. Ее ресницы дрогнули. В глазах промелькнул страх.

– Сколько лет дал бы он мне? – обронила она.

До сих пор я замечал лишь ее очарование, живость, залиvistый смех, молочную белизну кожи. Присмотревшись, я понял, что ей под сорок, в те времена возраст почтенной зрелости. Почуяв в этом вопросе подвох, я грубо ответил:

– В самый раз, чтобы я тебя захотел.

Она зарделась, как девочка, легко подскочила ко мне, схватила за руку и увлекла наверх, в свои покои.

Мы вошли, и служанки тотчас исчезли из спальни, напоенной чувственными ароматами с древесными и пряными нотками, которые приглашали расслабиться.

Не мешкая, мы бросились на широкое ложе, окруженное тонким покровом для защиты от мошкеры, и сплелись в объятиях.

Это было весело. Это было просто. Это было забавно. Фефи много смеялась, смех был последним бастионом ее стыдливости. Моим ласкам пришлось быть настойчивыми и упорными, чтобы они ее насытили и загасили последние всплески веселья. Я этого добивался шаг за шагом, и Фефи становилась все отзывчивей, не утрачивая игривости. Отныне я перестал себя спрашивать, кто я и что здесь делаю: я был самим собой и делал то, что было должно. Доставляя ей удовольствие, я и себя не обделял. Уж не знаю, что мною двигало, воля или желание, но орудие мое во славу Фефи встало.

Описывая эту сцену сегодня, я анализирую свои глубинные побуждения. Я себя не принуждал. В моем порыве доставить удовольствие той, которая велела мне это сделать, толпились разные импульсы: разочарование, гнев, возрождение чувств, долгое отсутствие женщины, восторг прикосновения к женской груди, эйфория поцелуев лона, его запах, страсть погружения во влажную плоть, вкус ее кожи, радость от ее радости. Я получил свое. Я даже ликовал, то была смесь экстаза и исполненного долга. Хоть впоследствии я и осуждал проституцию, сейчас, в Мемфисе, в объятиях Фефи я не испытывал никакого насилия.

– О, помедли, помедли.

Я удивился, что она перешла на «ты», и решил, что она обращается к кому-то другому. Она заметила это и исправилась, взвизгнув:

– Пусть он помедлит!

Ее интимная плоть так тонко ощущала мой пыл, что она угадала миг, когда я готов был взорваться. Я шепнул ей куда-то в шевелюру:

– Не важно, мы начнем снова.

– Нет.

– Обещаю, что я удержусь.

Она решительно оттолкнула меня и проворчала почти материнским голосом:

– Хорошо трахается тот мужчина, который удерживает себя.

– С женской точки зрения.

– И мужской тоже. Пусть он мне поверит! Пусть сдерживается! Сожмется! Стиснется!

– Но это больно.

– А разве мне не бывает почти больно?

Она осыпала мне шею поцелуями и прошептала:

– Пусть он не ерепенится! Знала я уйму шалунов, собаку на них съела.

Меня не беспокоило, что к нашим объятиям она приплетала своих прошлых любовников, это даже успокаивало: Фефи напоминала, что наша возня – это всего лишь эротические игры и никакого серьезного увлечения в них нет. И я покорно заставлял себя притормозить, когда волна наслаждения поднималась.

Но наша взаимная жажда не иссякала, и мы долго резвились в упоении, сплетались, слипались, напрягались и расслаблялись. Но вот я снова завопил, что сейчас кончу, и она удержала меня в себе. Я взревел от счастья. Она взвыла. Мы задыхались, пыхтели, сердце неслось вскачь... и скатились на пол, на козью шкуру.

Когда я очнулся, закат уже воспламенил небо, еле видимое сквозь кисею, защищавшую от москитов.

Фефи успела привести себя в полный порядок: оделась, надушилась и накрасилась. Она любовалась собой в зеркале и задумчиво жевала пирожки. Заметив, что я потягиваюсь, она, будто застигнутая врасплох, торопливо проглотила последний кусок.

– Да, конечно, мне надо бы отказаться от тигровых орешков³¹.

В отличие от большинства соотечественниц, Фефи была весьма упитанной, ее грудь и бедра были куда аппетитней, чем то предписывала городская мода, а объяснялось все просто ее страстью к сладостям. Она оторвалась от созерцания своего макияжа, подошла и ткнула меня в нос.

– А этого шалуну делать не следует.

– Чего?

– Дремать после! Женщине можно, мужчине – нет. А если бы увалень, который приносит мне мешки с мукой, разлегся на кухне, ведь он, мол, утомился? Нет, служба прежде всего.

– Это так хорошо...

Она улыбнулась.

– Да, он может сказать: это так приятно.

– Я так думаю, Фефи.

– Это очень приятно.

Она склонилась ко мне и пристально на меня посмотрела.

– Подвожу итог: после высшего удовольствия – клиентки – шалун ласкает ее, баюкает, нежит и исчезает сразу, как только она ему намекнет. Сдержанность и профессионализм. И чтобы никаких храпящих жеребцов!

Она без конца болтала и смеялась, чтобы исключить всякую сентиментальность и самой держаться подальше от эмоций. Сколько в ней живости! Эта женщина была очаровательна, наши утехи восхитили меня. Она не умолкала:

– Итак, я его беру. Этот Ноам не подкачал. Пусть он соберет свои одежки и освежится. Схожу за фигами и финиками.

И она выпорхнула легко, как птичка, хоть и была утомлена нашими любовными играми.

Я вышел на террасу, вокруг расстилался Мемфис. Бесконечные анфилады храма, посвященного Птаху, убегали вдаль, меж ними виднелись пальмы; потом все померкло, и лишь далеко за Нилом чуть розовели дюны.

Странное дело, но вдруг мне все показалось знакомым. Хоть я никогда здесь не был.

Небо все больше бронзовело. И тут я понял, что эти сумерки возвращают меня к вечеру моего появления в Мемфисе, когда барка фараона, направляясь к пирамиде, преградила мне путь. Та же цветовая гамма. Тот же покой. Тот же напитанный солнцем вечерний воздух.

Внезапная мысль поразила меня: фараон! Хорошо ли я разглядел его? Вдруг я вспомнил подробности: эту длинную фигуру, этот странный профиль, это двусмысленное выражение лица – не Дерек ли то был? Нет, в тот вечер такая мысль у меня даже не мелькнула. Но может, не мелькнула она потому, что я и не предполагал его узнать в фигуре фараона. А сейчас его образ явился мне лишь потому, что я что-то заподозрил. Воспоминания дурачат нас! Они так ненадежны... Я прикоснулся к памяти о том вечере, и память подкинула мне несколько пестрых лоскутков. Но можно ли им доверять? Занял ли Дерек место фараона? Носит ли он имя Мери-Узер-Ра?

Фефи прервала мои мысли, протянув мне чашу с фруктами:

– У меня есть лакомый кусок для шалуна Ноама. Очень влиятельная особа. Пакен ей наскучил. Во всяком случае, ей так кажется. Никогда не известно, чего она хочет, – да она и сама о том не знает, по-моему. Она будет в восторге, если я предложу ей новую игрушку. Когда шалун будет готов? Завтра? Послезавтра? Ему нужно отдохнуть, оплошать тут никак нельзя.

Я был так вымотан, что не знал, когда снова приду в форму. Она прощбетала:

³¹ Тигровые орешки, или земляной миндаль – это съедобная чуфа, водяное растение с сочными клубнями, которые очень богаты питательными веществами. Из его муки, меда и масла выпекались пирожки, от которых египтяне и египтянки были без ума.

– И что мне ответить дочери фараона?

Я так и подскочил.

– Дочери фараона?

– Да, Неферу.

Вот волшебная okazия подобраться ближе к фараону. Я схватил фигу, надкусил, подражая сладострастно-изнеженной манере Пакена.

– Где я с ней встречусь?

– Во дворце. Она незамужняя и не слишком усердно скрывает своих любовников.

Я ликовал и удивлялся, что так легко подобрался к цели. Спасибо, Пакен, думал я, тысяча благодарностей тебе! Внезапный порыв ветра донес вонь горелого жира, призрачный свет луны слизнул последние краски. Фефи знобко поежилась и выскользнула с террасы.

– Так что же ей ответить? Послезавтра?

– Сегодня ночью. Завтра утром. Когда ей будет угодно.

Она взглянула на меня, смущенная такой поспешностью.

– Хорошо. Я же говорю: солидный инструмент – это еще полдела, важно, чтобы он не отлынивал от работы.

Она хохотнула, уселась на постель и побарабанила пальцами по простыне, приглашая меня сесть рядом.

– Как нанимательница, я довольна таким трудолюбивым шалуном. Но как женщина, я немного злюсь.

Она была уязвлена, несмотря на показную кокетливую веселость. Я обнял ее и глупо пробормотал:

– Прости.

– Но он же может отложить это?

– По твоему желанию, – прошептал я.

– Тогда пусть останется. Царевна немного подождет...

* * *

Неферу не откликалась. Хоть Фефи изо дня в день и отправляла ей уведомления, дочь фараона не проявляла к предложенному развлечению ни малейшего интереса. Каждое утро я приходил в лавочку, а парфюмерша пожимала плечами и разводила руки в знак того, что никаких новостей из дворца у нее нет.

Итак, я начал трудиться на ниве обычных посетительниц заведения, с которыми моя хозяйка оговаривала расписание и тарифы. Был ли то эффективный способ продолжить мое расследование и нащупать цель? Я цеплялся за эту уверенность, и потому гипотеза, что мерзавец Дерек стал фараоном, обрастала правдоподобием. Когда перед моим мысленным взором выплывала величественная барка, преградившая мне путь, и я различал на ней моего извечного врага, воспоминание обретало полную достоверность и все сомнения улетучивались. Я сознавал переменчивость памяти, ее податливость влиянию, и потому пытался усомниться, тем более что у фараона были официальные сын и дочь, – но ведь Дерек владел искусством притворяться и хитрить. Я старался изыскать другие возможности добычи информации. Благодаря клиенткам, которых я ублажал, благодаря лавочке, где изо дня в день подслушивал разговоры, я насобирав кое-какие сведения и начал представлять себе круг влиятельных особ Мемфиса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.